

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

БАЖЕНОВА Анастасия Германовна

Выпускная квалификационная работа

РЕЧЕВЫЕ КОННЕКТОРЫ *В ПЛАНЕ / В ЭТОМ ПЛАНЕ / В ТОМ ПЛАНЕ ЧТО* В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 Лингвистика

Основная образовательная программа ВМ.5621 – «Русский язык»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор,

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

Рецензент:

Ахапкина Яна Эмильевна, к. ф. н.,

доцент школы лингвистики факультета

гуманитарных наук Национального

исследовательского университета

«Высшая школа экономики» (Москва)

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. МИНИМАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ УСТНОГО ДИСКУРСА: ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ОПИСАНИЯ	14
1.1. Некоторые особенности устного дискурса	14
1.2. Переходные процессы в устной речи	18
1.3. Показатели связности: к вопросу о терминах	27
1.4. Функциональный класс речевых коннекторов	31
1.5. Выводы по главе	40
ГЛАВА 2. РЕЧЕВЫЕ КОННЕКТОРЫ <i>В ПЛАНЕ</i> / <i>В ЭТОМ ПЛАНЕ</i> / <i>В ТОМ ПЛАНЕ ЧТО</i> : ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В УСТНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ	42
2.1. Материал и методика исследования	42
2.2. Речевой коннектор <i>В ПЛАНЕ</i> в функции предлога	45
2.3. Речевой коннектор <i>В ПЛАНЕ</i> в функции показателя метаязыковых отношений	49
2.4. Речевой коннектор <i>В ПЛАНЕ</i> в функции маркера-ксенопоказателя	51
2.5. Речевой коннектор <i>В ЭТОМ ПЛАНЕ</i> : особенности функционирования	52
2.6. Речевой коннектор <i>В ТОМ ПЛАНЕ ЧТО</i> в функции союза	57
2.7. Вариативность речевых коннекторов: некоторые модели функционирования	59
2.7.1. Модель 1 <не РК>	60
2.7.2. Модель 2 <не РК (...), а РК>	60
2.7.3. Модель 3 <не РК ² (...), а + РК>	62
2.8. Речевой коннектор как результат гиперкоррекции и речевого сбоя	62
2.9. Речевые коннекторы на шкале грамматикализации	64
2.10. Выводы по главе	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
СПИСОК ПРИНЯТЫХ В РАБОТЕ СОКРАЩЕНИЙ	70
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	71
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИНЫХ РЕСУРСОВ	82

ВВЕДЕНИЕ

Живая речь является объектом многих лингвистических исследований последних лет. Повышенный интерес к устному дискурсу обусловлен появлением новых форм и единиц, которые либо встраиваются со всеми своими особенностями в существующую языковую парадигму, либо требуют более тщательного анализа с привлечением контекстов устной речи. Состав связующих средств русского языка, к классу которых относятся и речевые коннекторы (РК), продолжает пополняться, как за счет новых образований, в том числе «блуждающих частиц» (Николаева 2008), так и за счет возникновения новых сочетаний из уже существующих языковых единиц. Следовательно, устная речь – это не только богатый материал для каждого исследователя, но и своеобразный маркер, или фиксатор, тех или иных структурных или функционально-семантических изменений привычных единиц. Ш. Балли писал, что «историческое языкознание, вынужденное самым предметом своим основываться на текстах, досадным образом приучило нас пренебрегать живыми формами, которые нам удается находить во всей их свежести и непосредственности в современных языках. Учитывая, что язык создан прежде всего для устного употребления, *было бы ошибкой не принимать последнее за норму* (курсив мой. – А. Б.)» (Балли 1955: 34). Именно такие «живые формы», «во всей их свежести и непосредственности», и находятся в центре внимания в настоящем исследовании.

Сбор и систематизация живого речевого материала – одно из актуальных направлений современной лингвистики, если точнее, то это является основой *полевой лингвистики*, под которой понимают «лингвистическую дисциплину, разрабатывающую и практикующую методы получения информации о неизвестном исследователю языке на основании работы с его носителями» (Кибрик А.Е. 2007). Из методов полевой лингвистики в настоящем исследовании использован метод анализа корпусных данных, а именно живой русской речи, «о которой, как показывают первые исследования на этом материале, лингвистике известно

примерно так же мало, как о каком-нибудь действительно неизвестном языке» (Богданова Н.В. и др. 2008).

Спецификой разговорной речи как сферы коммуникации и особой разновидностью литературного языка занимается такая область современной лингвистики, как *коллоквиалистика*¹, а организация связности в речи входит в число ее центральных исследовательских проблем. К этой специфике, в частности в рамках данной работы, можно отнести возросшую значимость минимальных единиц устной речи, которые являются результатом разных переходных процессов. Такими процессами в нашем случае являются *конъюнкционализация* (переход знаменательных слов в союзы) и *препозиционализация* (переход знаменательных слов в предлоги) как разновидности более общего процесса *грамматикализации*.

В настоящем исследовании представлен подробный анализ переходных процессов в области грамматики – на примере описания особенностей функционирования речевых коннекторов *в плане / в этом плане / в том плане что* в устном дискурсе. По мнению многих лингвистов, значение союзов в устной речи часто недооценивается, что подтверждают и результаты сопоставления данных о распределении частей речи (на примере корпусного материала устной и письменной форм речи – см.: *Звуковой корпус...* 2014: 299), полученных с применением программ автоматической разметки текстов. Судя по этим данным, союзов в устной речи «в два раза меньше, чем в письменной речи (4,5 vs 8,0 %), и более чем в три раза меньше, чем глаголов, существительных и частиц, занимающих первые три позиции в частотном списке частей речи в устном дискурсе (4,5 vs 17,2, 15,8 и 15,7 % соответственно)» (Богданова-Бегларян 2021б: 20-21). Однако «ручная обработка и контекстный анализ материала дают совсем другие результаты» (*там же*: 21), в первую очередь как раз за счет многочисленных речевых

¹ Термин *коллоквиалистика* (от лат. *colloqui* – ‘разговаривать’) введен в научный обиход В.Д. Девкиным (см.: Девкин 1974) для обозначения лингвистического изучения повседневной неофициальной, разговорной речи, или отрасли языкознания, «занимающейся разговорной речью» (*он же* 1979: 10). См. о ней также: Скребнев 1985.

коннекторов. Подобные отсубстантивные (отыменные) РК выстраиваются в эволюционную динамическую цепочку: *план – в плане – в этом плане – в том плане что*. Исходной точкой такой эволюционной цепочки является падежная форма существительного *план*. На этапе препозиционализации образуется подобие предлога (или лексикализованной предложно-падежной словоформы – ЛППС) *в плане*, который функционирует в рамках простого «предложения»². Коннектор *в этом плане* анализируется уже на уровне текста. Последний компонент анализируемой цепочки – *в том плане что* – рождается в результате конъюнкционализации. Для анализируемых в настоящей работе коннекторов характерна вариативность (или наличие различных *речевых реализаций*, по О.Ю. Иньковой – Инькова 2019: 89), которая описана в основной части исследования. Под *вариативностью* понимается структурное усложнение³ коннектора. Сложные разновидности базовой формы РК могут быть результатом *гиперкоррекции*, когда «говорящий, стараясь говорить лучше, но не обладая достаточными навыками (достаточным уровнем речевой компетенции), “перегибает палку” и порождает, в том числе в бытовой повседневной речи, длинные составные конструкции» (Богданова-Бегларян 2021: 24), или присоединение к другим минимальным единицам (частицы, междометия или иных союзы и предлоги) способствует продлению заполненной паузы хезитации. Таким образом, каждый элемент динамической эволюционной цепочки, или *шкалы грамматикализации*, требует отдельного тщательного анализа с последующей подробной грамматической характеристикой, которая может

² Известно, что в устной речи предложение как синтаксическая единица может быть выделено только экспериментальным путем (эксперимент по пунктированию), т. е. до некоторой степени условно (см. об этом подробнее: Bogdanova-Beglarian 2017). В устном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<https://ruscorpora.ru>) точки в примерах уже расставлены, но и их все же нельзя считать окончательными. По этой причине в настоящей работе слово *предложение* во всех случаях заключено в кавычки.

³ Следует отметить, что под *усложнением* понимается любое изменение структуры коннектора, и такие усложнения обозначаются как разновидности одной и той же единицы. Например, РК *в плане что* можно расценивать как одну из речевых реализаций коннектора *в плане*, или РК *в плане того что* – как речевую реализацию коннектора *в том плане что*. Выбор основных (*базовых форм*, по О.Ю. Иньковой) коннекторов обусловлен статистическими показателями (*основная форма коннектора*). Про вариативность коннекторов см. подробнее раздел ... настоящего исследования.

быть использована в словаре или в методических справочниках, а также может быть полезна как переводчикам и преподавателям, так и иностранным студентам, в рамках изучения русского языка как иностранного.

Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием лексикографического описания исследуемых единиц *в плане / в этом плане / в том плане что* и сложностью их грамматической характеристики, так как термин *коннектор* не пользуется популярностью в современной грамматике русского языка. Исследователи отмечают консерватизм метаязыка лексикографического описания таких единиц, так как «уже более двадцати лет существуют термины, предложенные Т.А. Колосовой и М.И. Черемисиной (*союзный функтив, союзная скрепа*) или М.В. Ляпон (*аналог союза*), и ни один из них, к сожалению, пока по каким-то причинам не “прижился” в лексикографической литературе» (Пермякова 2017: 54). Кроме того, формальные признаки, позволяющие отделить коннекторы от смежных классов, довольно расплывчаты, так как «класс служебных слов пополняется как за счет перехода в него слов (в первую очередь форм слов) знаменательных, так и за счет контаминации слов разных классов – и служебных, и служебных со знаменательными» (Шереметьева 2011: 133). Анализ речевого материала позволяет уточнить и конкретизировать эти признаки. И, если статус РК в *грамматике языка* приобретает более или менее четкие формы, то особенности речевых коннекторов еще следует зафиксировать в *грамматике речи*⁴. Это еще раз подчеркивает актуальность изучения речевых коннекторов. По этой же причине современная *речевая*

⁴ «Идея о существовании, наряду с грамматикой языка, своеобразной грамматики речи, обладающей своими собственными единицами и специфическими правилами их функционирования и сочетания (своей парадигматикой и синтагматикой), в лингвистике отнюдь не нова и в течение последнего столетия высказывалась неоднократно. Так, еще Ф. де Соссюр писал, что “лингвист должен также рассматривать взаимоотношения книжного языка и обиходного языка (по сути, взаимоотношения языка и живой, повседневной речи. – Н. Б.-Б.); ибо развитие всякого литературного языка, продукта культуры, приводит к размежеванию его сферы со сферой разговорного языка” (Соссюр 1933: 44). Подобную мысль находим и в трудах Л.В. Щербы, ср.: “Нужно прежде всего различать у русских, т. е. у говорящих и пишущих на общерусском литературном языке, два языка: один слышимый и произносимый (снова, по-видимому, имеется в виду живая речь. – Н. Б.-Б.), а другой написанный, которые находятся один к другому в известных отношениях, но не тождественны – элементы одного не совпадают с элементами другого” (Щерба 1957: 11-12). И далее автор пишет, что “если надо различать эти два языка, то надо, очевидно, различать и их грамматики” (там же: 12)» (Звуковой корпус... 2013: 31).

*лексикография*⁵ направлена на «необходимость учета всего функционально-семантического потенциала слова, наиболее полно раскрывающегося именно при анализе его употреблений носителем языка» (Богданова-Бегларян 2021а: 5).

Объектом настоящего исследования является повседневная устная речь носителей русского языка, организованная в корпус. **Предмет** исследования – речевые коннекторы *в плане / в этом плане / в том плане что* и их функциональные особенности.

Цель исследования – выявить и проанализировать особенности речевых коннекторов *в плане / в этом плане / в том плане что* в русской повседневной речи.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) обзор научной литературы по ключевым темам исследования (специфика устной речи, основные задачи коллоквиалистики как науки; функциональные особенности речевых коннекторов, описанные в современных лингвистических работах; грамматика речи, речевая лексикография, корпусная лингвистика: основные тенденции и направления; и т. п.);
- 2) сбор и систематизация пользовательского подкорпуса материала;
- 3) описание особенностей функционирования коннекторов *в плане / в этом плане / в том плане что* в устной речи (по данным корпусного материала);
- 4) проведение эксперимента среди филологов на предмет установления синкретизма коннекторов;
- 5) построение шкалы переходности для изучаемых единиц.

⁵ Задачей *речевой лексикографии* является «описание современной повседневной разговорной речи (т. е. устной спонтанной речи максимальной степени естественности, во всем разнообразии ее функциональных единиц) и представление результатов такого описания в произведениях словарного или справочного типа, словники которых составляют конкретные употребления единиц спонтанной речи (словари не слов, но словоупотреблений)» (Осьмак 2014: 5; см. также: *она же* 2015). Речевая лексикография во многом основывается на теории прагматики, из которой заимствует представление о том, что слова сами по себе не обладают значениями, а обретают их из контекста. Это тезис лежит в основе учения о ситуативном значении слова (Leech 1983) и других теорий прагматики, предполагающих зависимость слова от контекста (см., например: Evans 2006).

Научная новизна исследования усматривается в том, что в работе рассматриваются единицы, являющиеся результатом таких активных процессов, как препозиционализация и конъюнкционализация. Описание таких единиц способствует выявлению специфики и закономерностей этих процессов на разных этапах развития языка. Кроме того, при анализе собранного материала используется термин *речевой коннектор*, грамматические параметры которого до сих пор уточняются и не считаются окончательными.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в первых двух главах работы систематизированы основные понятия коллоквиалистики как науки и представлены разные точки зрения на минимальные единицы дискурса, на их полипарадигмальность и полидисциплинарность.

Практическая значимость исследования связана с тем, что в нем выявлены особенности употребления речевых коннекторов в устном дискурсе и соотнесены с теми положениями, которые уже существуют в современной грамматике. Эти сведения могут быть полезны в ходе классификации и интерпретации речевого материала в рамках технологий распознавания речи, а также в уже упоминаемой речевой лексикографии, с целью корректировки и уточнения существующих словарных статей («обновления словарного пространства» – *Богданова Л.И.* 2017: 7)⁶. Интерес представляет и динамическая эволюционная цепочка речевых коннекторов, которая является подвижной, ввиду активности процесса грамматикализации в устной повседневной речи. Такая шкала может быть применена как в отработке методических и аналитических возможностей, позволяющих

⁶ Исследователи давно заметили, что «жизнь слова в его реальном употреблении не всегда отражается и фиксируется словарями» (*Богданова Л.И.* 2017: 7-8), что существует известная «несогласованность дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка» (*она же* 2012: 65), что вынуждает лингвистов переносить свое исследовательское внимание со значения слова – на его употребление в речи. В таком ключе проведено и настоящее исследование.

всесторонне описывать и фиксировать устный дискурс, так и в методике преподавания русского языка как иностранного⁷.

Источником *материала* для настоящего исследования послужили следующие ресурсы: устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ); корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД), материалы личных записей автора из окружающей языковой среды (речь жителей Новосибирска и Санкт-Петербурга за 2021-2023 годы).

Методология данной работы обусловлена спецификой материала. Используются описательный метод (метод контекстного анализа), сопоставительный анализ, количественный метод (простые количественные подсчеты), слуховой анализ, экспериментальный метод (проведение опроса среди филологов).

Гипотеза исследования такова: средств связности, к которым принято относить разные переходные части речи, в устном дискурсе в процентном соотношении больше, чем об этом принято думать. Такие средства связности являются результатом разных переходных процессов, значимость которых подтверждается в настоящем исследовании.

Структура работы отражает ее содержание и включает в себя следующие разделы:

- 1) введение;
- 2) теоретическая глава;
- 3) исследовательская глава;
- 4) заключение;
- 5) список использованных сокращений;
- 6) список использованной литературы;
- 7) список использованных словарей и иных ресурсов.

Во *введении* обозначены цель, задачи и методы исследования, описан его материал, а также обоснованы актуальность, научная новизна,

⁷ Подробнее о *методике шкалирования* как инструменте описания грамматики современной русской речи см.: Богданова-Бегларян 2022.

теоретическая и практическая значимость результатов проведенного анализа. Сформулирована гипотеза исследования и описана структура работы.

В *первой* главе изложены важные теоретические сведения об особенностях устного дискурса, о месте единиц связности в современной лингвистике и о процессах переходности, результатами которых и являются эти минимальные единицы устной речи. Сопоставлены и определены разные термины, обозначающие связующие элементы в речи. Дано определение разным переходным процессам, а о разновидностях грамматикализации, как и о самой грамматикализации, приведены более полные сведения.

Во *второй* главе описываются материал и методика исследования. Приведены результаты анализа речевых коннекторов. Дана последовательная, подробная грамматическая характеристика этих служебных единиц в составлении с уже имеющимися сведениями о них. Проанализированы и обобщены результаты опроса, проведенного среди филологов. Выделены и классифицированы разные функции РК *в плане / в этом плане / в том плане что* на корпусном материале. Построена для него шкала грамматикализации.

Заключение представляет собой обобщение полученных сведений, в этой части работы заявлены также возможные перспективы исследования.

Апробация: основные положения и результаты исследования были обсуждены в ряде докладов и сообщений на научных конференциях разного ранга:

- Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Социально-педагогические инновации в образовании» (Ереван (Армения), март 2022 г.);
- XXV Открытая конференция студентов-филологов (ОКСФ) (Санкт-Петербург, апрель 2022 г.);
- XXIV Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2022» (Москва, апрель 2022 г.);

- Научно-техническая конференция студентов и аспирантов «Молодые исследователи – регионам» (Вологда, апрель 2022 г.);
- Международный научный культурно-образовательный форум «Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации» (Челябинск, апрель 2022 г.);
- Всероссийская научная конференция с международным участием «Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках» (Новосибирск, сентябрь 2022 г.);
- II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная памяти профессоров Б.И. Осипова и М.П. Одинцовой (Омск, сентябрь 2022 г.);
- Всероссийская междисциплинарная научная конференция «Полипарадигмальные и междисциплинарные методы в современных исследованиях языка» (Пермь, октябрь 2022 г.);
- VI Международная научно-практическая конференция «Русское языкознание и литературоведение – 2022» (Тайбэй (Тайвань), декабрь 2022 г.).

Основные положения и результаты исследования отражены в следующих *публикациях* автора:

1) Специфика изучения речевых коннекторов в курсе русского языка как иностранного (на примере анализа единиц *в плане / в этом плане / в том плане что* в русском повседневном дискурсе) // Социально-педагогические инновации в образовании: сб. статей международной научно-практической конференции в Иджеване, Армения, 15-16 марта 2022. – Иджеван: Ереванский гос. ун-т, Иджеванский филиал, 2022. – С. 59-64;

2) История одного коннектора: речевые коннекторы *в плане / в этом плане / в том плане что* в русской повседневной речи // XXV Открытая конференция студентов-филологов 18-23 апреля 2022 г.: сб. тезисов конференции. – СПб.: СПбГУ, 2022. – С. 56-58;

3) Шкала грамматикализации существительного *план*: возникновение и функционирование отсубстантивных речевых коннекторов *в плане / в этом плане / в том плане что* в русском повседневном дискурсе // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / Отв. ред. *И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова*. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2022;

4) Коннектор *в (том) плане (что)* в разных типах русской повседневной речи // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной конференции (Вологда, 19 апреля 2022 г.): в 3 т. Т. 3 / Гл. ред. *М.М. Караганова*. – Вологда: ВоГУ, 2022. – С. 135-136;

5) Главное не перегнуть палку, или модификации коннекторов в устной разговорной речи // ЕВРАЗИЯ-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации: материалы Международного научного культурно-образовательного форума (Челябинск, 6-8 апреля 2022 г.) / Под ред. *Т.Ф. Семьян, Т.Е. Абрамзон, Л.А. Нефедовой*. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2022. – С. 302-304 (в соавторстве с Н.В. Богдановой-Бегларян);

6) Когнитивный подход к описанию грамматических особенностей двухместных коннекторов // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (50). Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 15-16 сентября 2022 года / Отв. ред. вып. *Е.В. Федяева*. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – С. 130-133 (в соавторстве с Н.В. Богдановой-Бегларян);

7) Речевой коннектор *в этом плане*: корпусное исследование // II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Новейшая филология: Динамика речевых и текстовых форм», посвященная памяти Б.И. Осипова и М.П. Одинцовой: материалы конференции [Электронный ресурс]. – Омск: ОмГУ, 2022. – С. 54-60.

8) Пути развития речевых коннекторов: методика веерного шкалирования // Социо- и психолингвистические исследования. – 2022, № 10. – С. 52-58.

ГЛАВА 1

МИНИМАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ УСТНОГО ДИСКУРСА: ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ОПИСАНИЯ

1.1. Некоторые особенности устного дискурса

Под дискурсом в работе понимается предложенная Н.Д. Арутюновой дефиниция: это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Это речь, погруженная в жизнь» (Арутюнова 1990: 136–137). Чан Ким Бао так пишет о соотношении текста и дискурса: «текст как инь и дискурс как ян составляют единство, <...> текст виртуален, дискурс реален. Один невозможен без другого, как человек и его тень, как душа и тело» (Чан Ким Бао 2000: 50). Изучение устного дискурса лежит в основе коллоквиалистики, которая занимается исследованиями специфики разговорной речи как сферы коммуникации и особой разновидностью литературного языка, «фактически это активно развивающаяся в настоящее время *теория разговорной речи*» (Богданова-Бегларян, Цуй Лили 2019: 466). В центре настоящего исследования находится устная спонтанная речь (СР), которая противопоставлена подготовленной речи и обладает рядом особенностей. Спонтанная речь характеризуется «*линейностью речепорождения*» (Касаева 2014) (курсив мой. – А. Б.), т. е. процессы порождения мысли и ее вербализации совпадают по времени. Помимо неподготовленности, большое значение имеет и ситуативность высказывания (коммуникативная ситуация), кроме того, для разговорной речи (РР) характерна «неофициальность общения» (Земская 1979: 14) и «непринужденность» (Сиротинина 1974: 26). Обобщая все вышесказанное, можно заключить, что спонтанный текст – это «любой неподготовленный текст, порождаемый в обстановке неофициального и непринужденного общения» (Богданова Н.В. 2006: 288).

Внимание лингвистов привлекают и такие особенности русской РР, как «фрагментарный синтаксис» (*Земская 1979: 227*), особенности употребления имен существительных (употребление в зависимости от коммуникативного намерения говорящего, окказиональные формы, например, для привлечения внимания собеседника и придания иронического оттенка высказыванию) (*Воейкова 2009: 355*). О.Б. Сиротина приводит в своих работах следующие особенности русской РР: «меньшая лексическая точность, синтаксические ограничения длины и сложности словосочетаний и предложений, отсутствие причастных и деепричастных оборотов, появление необычных для письменной речи конструкций, заполнителей пауз, наличие речевых ошибок» (*Сиротина 1983: 14*). В.Д. Девкин отмечает, что особенности РР ярко проявляются на уровне лексики и синтаксиса и «меньше всего сказывается специфика разговорной речи на морфологической стороне» (*Девкин 1981: 8*).

Следует отметить и такую особенность устной СР, как *хезитационные паузы*, которые возникают в результате некоторых затруднений в построении коммуникации. А.А. Белицкая определяет функцию таких пауз, как вспомогательную, т. е. говорящему необходимо время для поиска конкретного выражения собственной мысли (*Белицкая 2014*)⁸. В спонтанно порождаемой речи «различие между хезитационным членением и членением на фразы и синтагмы во многих случаях оказывается ослабленным или даже вовсе снятым» (*Фонетика спонтанной речи 1988: 147*), а, по наблюдениям Т.М. Николаевой, более компетентные говорящие даже стремятся к тому, чтобы «привести паузы хезитации к дыхательным паузам» (цит. по: *Кибрик А.А., Подлеская 2009: 68*).

Разговорная речь тоже имеет свои нормы на всех уровнях структуры языка. М.В. Панов верно подчеркивал, что «разговорная речь – это не свалка неправильных форм, синтаксических конструкций, сниженной лексики и окказионализмов, а особая *подсистема* (курсив мой. – А. Б.) русского

⁸ О хезитации как типичном свойстве устной спонтанной речи см. также: *Александрова, Иваницкий 2003; Александрова 2004; Подлеская, Кибрик А.А. 2005; и мн. др.*

языка, которой владеют и пользуются в повседневном общении носители его литературного варианта» (цит. по: *Вепрева и др.* 2019). В РР существуют свои закономерности, которые можно описать при анализе реальной речи. А.Д. Шмелев подчеркивает важность исследований РР, поскольку «особенности разговорной речи обычно не осознаются говорящими, которые, даже когда им предъявляют их собственные высказывания, не верят, что они могли действительно так сказать», а потому ««исследования разговорной речи не могут опираться на компетенцию носителей языка» (*Шмелев* 2010: 239). Тщательное изучение новых и нестандартных форм и употреблений актуально для современной лингвистики еще и потому, что размечает некоторые «пунктирные линии» в науке. А постоянное сравнение письменной и устной форм речи не случайно, как не случайно и то, что письменная речь находится в статусе эталона для такого сравнения, ведь существует, как писал П. Линелл, «письменная языковая предвзятость лингвистики» (*Linell* 2005). По мнению Б.М. Гаспарова, письменная речь более «правильная» и кодифицированная, в ее традициях сформирована устная речь (УР) (*Гаспаров* 1978: 63). По этой причине изучение УР особенно актуально, поскольку активность и постоянная пополняемость этого вида дискурса способствует порождению новых форм, которые встраиваются в особую систему, а любой литературный язык «живет» и развивается только в своей реализации. Эта реализация – *живая речь* – во многом и является источником и фиксатором языковых изменений. И.А. Бодуэн де Куртенэ называл живую речь «источником материала как для грамматических, так и для всяких других лингвистических исследований и выводов» – «материала, данного непосредственно и доступного не только всестороннему наблюдению, но даже экспериментам» (*Бодуэн де Куртенэ* 1963: 103).

Устная речь представляет собой довольно широкое понятие. Следует отметить, что РР и УР имеют ряд дифференциальных признаков, и корректнее считать разговорную речь разновидностью устной. Разговорная речь имеет свои нормы на всех уровнях структуры языка, отличающиеся от

норм унифицированных и закреплённых в литературном языке. Одной из важных характеристик РР является ее неподготовленность, спонтанность – говорящий подбирает слова и оформляет свою мысль без предварительного обдумывания. Тогда как устная речь — это «любая речь, проявляющаяся в устной форме» (Земская 1998: 406).

Так, в лингвистике уже давно сложилась потребность изучения не только литературной нормы, но и неcodифицированных элементов, которые в основном функционируют в устной речи. О.А. Лаптева отмечала неразрывность этих элементов: «как бы и о чем бы мы ни говорили, спонтанно порождая свою речь, в ней всегда так или иначе будут сочетаться элементы кодифицированной и устно-разговорной нормы» (Лаптева 1992: 153). Одним из направлений такого изучения стала корпусная лингвистика.

Корпусная лингвистика – это направление, ключевым и основным понятием которого является *корпус*. Материал языковых корпусов зачастую является важнейшим инструментом в исследованиях, посвященных живой речи. Источником материала для настоящего исследования послужили два таких ресурса: устный подкорпус Национального корпуса русского языка и корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) (<https://ord.spbu.ru/>), в связи с чем следует отметить, что исследование выполнено в рамках *корпусного подхода*. Именно корпусный подход к сбору и анализу речевого материала является основным. В.П. Селегей в докладе на Международной филологической конференции в СПбГУ (март 2013 г.) подчеркнул, что «в современной лингвистике корпус – устной или письменной речи – это и объект, и инструмент исследования» (цит. по: *Звуковой корпус...* 2015: 11). Корпусная лингвистика занимается «разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с использованием компьютерных технологий» (Захаров 2005: 3). Анализ материала корпусов позволяет исследователю не только доказать или опровергнуть свою гипотезу, но и обозначить некоторые тенденции современного русского

языка. Таким образом, языковой (речевой) корпус – это «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных (курсив мой. – А. Б.), предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» (Захаров 2005: 3). А «развитие компьютерной и корпусной лингвистики позволило создать репрезентативные и сбалансированные базы данных, электронные корпуса и по звучащей речи, что намного расширило возможности лингвистов исследовать те аспекты разговорной речи, которые были ранее недоступны из-за скудного объема нужного фактического материала» (Бускунбаева 2021: 174).

1.2. Переходные процессы в устной речи

Изучение переходных явлений в области грамматики – наиболее заметное направление современных научных исследований, так как появлений «новых» форм или даже частей речи зачастую связано с изменением статуса тех или иных единиц. Явления переходности связаны «с общими закономерностями развития и совершенствования системы языка, в частности с соотношением дифференциации и интеграции свойств языковых и речевых фактов» (Бабайцева 2000: 179). Так, выделение части речи сопровождается указанием грамматических особенностей именно этого класса слов, или «внешних выразителей категорий» (Щерба 1974: 80), «формальных признаков» (*там же*: 81). Любая классификация предполагает некоторый субъективизм классификатора (*principia divisionis*), «однако в вопросе о “частях речи” исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, по предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой» (*там же*: 79). И все же результаты переходных процессов в языке не являются исключением из привычной системы и парадигмы частей речи, так как «для значительного количества языковых фактов типичные синтаксические

модели и лексико-грамматические классы слов оказываются “прокрустовым ложем”» (Бабайцева 1967: 7). Не зря Ш. Балли при описании переходных явлений французского языка отметил, что «замкнутые в своих категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи; но благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки» (Балли 1955: 143).

Переходность в языке является актуальной областью лингвистических учений, которой озадачены многие исследователи, однако в работах разных лингвистов это явление получило разные названия и не всегда составляющие нового термина совпадают с понятием переходности как таковым. Так, существуют наиболее известные обозначения взаимодействия языковых единиц и категорий: «транспозиция» (Ш. Балли), «трансляция» (Л. Теньер), «деривация» (Е. Курилович), «конверсия» (А. И. Смирницкий), «трансформация» (В.Н. Мигирин). В этот ряд следует включить еще несколько важных терминов: «грамматикализация» (Hopper, Traugott 1993; Bybee et al 1994; Майсак 2002) и «прагматикализация» (Graf 2011: 296; Günthner, Mutz 2004; Богданова-Бегларян 2021б), которые тесно связаны, за счет того что в обоих процессах важным является этап *редукции грамматической парадигмы*.

Остановимся подробнее на некоторых важных терминах и их составляющих. Например, Ш. Балли определяет *транспозицию* как «перевод знака из одной категории в другую», то же Л. Теньер называет *трансляцией*, но добавляет несколько существенных категориальных признаков: «перевод однозначных слов из одной грамматической категории в другую», т. е. превращение одного класса слов в другой (цит. по: Бабайцева 2000: 63). Ш. Балли выделяет *функциональную* (изменение синтаксической функции языкового знака при сохранении семантического содержания) и *семантическую* (изменение синтаксической функции одновременно со значением языкового знака) *транспозицию*. Наряду с этими терминами

выделяется и обособляется такой термин, как *деривация*, который ввел в широкое употребление польский лингвист Е. Курилович. Он связывает явления «частеречной деривации с определенным соотношением между лексическим значением части речи и ее синтаксическими функциями» (цит. по: *Бабайцева* 2000: 64). По теории Е. Куриловича, можно выделить *лексическую деривацию* (новое слово образуется с сохранением первичной синтаксической функции) и *синтаксическую деривацию* (см. *синтаксическая транспозиция* Ш. Балли). А.И. Смирницкий дает следующее определение термину *конверсия*: это «такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством слова служит только сама парадигма» (*Смирницкий* 1953: 71; цит. по: *Бабайцева* 2000: 66). И.А. Мельчук под *конверсией* понимает изменение грамматической сочетаемости и выделяет несколько разных типов конверсии, в зависимости от характера изменения словообразовательных формантов (*Мельчук* 1972: 38).

Однако некоторые ученые придерживаются термина Ш. Балли и уточняют или расширяют некоторые аспекты транспозиции частей речи. Например, чешский лингвист О. Лешка выделяет 4 вида транспозиции: 1) частеречная транспозиция; 2) транспозиция в системе членов предложения; 3) функциональная транспозиция; 4) контрастная транспозиция (цит. по: *Бабайцева* 2000: 67-68). Подобного широкого подхода придерживается и Е.С. Кубрякова, которая тоже выделяет несколько видов транспозиции: 1) *лексическая* (из одного лексико-семантического разряда в другой); 2) *морфологическая* (из одного морфологического класса в другой); 3) *синтаксическая* (из одной части речи в другую) (*там же*: 68). Таким образом, существует определенная терминологическая система, которую совершенствовали ученые-лингвисты на протяжении многих десятилетий. В настоящем исследовании переходные явления обозначены, как подвиды *транспозиции* (по Ш. Балли).

В отечественной лингвистике традиционными являются термины *переход* или *переходность*. Так, А.А. Шахматов писал о переходе одних частей речи в другие, так как «между словом и принадлежностью его к той или другой части речи <...> нет обязательной необходимости в данной форме слова» (Шахматов 1952: 36). Именно А.А. Шахматов предложил и ввел термины, которые закрепились в лингвистике, для обозначения процессов перехода – *субстантивация*, *адъективация*, *вербализация*, *прономинализация*, *адвербиализация*, *конъюнкционализация* (там же). А.П. Пешковский считал, что переходностью можно обозначить только актуальные процессы (происходящие на наших глазах), если же слово уже перешло в другую категорию, то о «“переходности” говорить не стоит, а в таком случае происходит уподобление слова исходной части речи другой части речи (например, уподобление прилагательного существительному: *портной*, *зодчий* и др.)» (Пешковский 2001: 142-143). А.П. Пешковский придерживался мнения о *постепенном* переходе одного языкового явления в другое, поскольку для языка не характерно «делать скачки» (там же).

Н.Д. Арутюнова подчеркивала, что исследователям «целесообразно отказаться от “прокрустова ложа” четкой и бескомпромиссной схемы и предпочесть метод количественной оценки, согласно которому каждое языковое явление должно описываться по месту, занимаемому им на *шкале постепенных переходов* (курсив мой. – А. Б.)» (Арутюнова 1965: 98). Так, при описании языковой единицы, подвергающейся переходу, необходимо учитывать не только исходный и предположительно конечный ее статус, но и промежуточные этапы. Вспомогательным средством при таком подходе является «шкала переходности» (см. о шкале переходности: *Бабайцева* 1983, 2000).

Методика шкалирования позволяет определять разные семантические точки в исследованиях с переходящими компонентами. Интерес представляет работа В.В. Бабайцевой о явлениях переходности в грамматике русского языка, где автор «конструирует» шкалу, основанную на оппозиции,

которую можно представить «в виде перекрещивающихся, частично накладывающихся друг на друга кругов, каждый из которых имеет свой центр и периферию» (Бабайцева 2000: 132). Конечные (или полярные) точки шкалы обозначают равноправные члены оппозиции, они отмечены, как А и Б – *типичные* функции для той или иной классификационной рубрики. Между А и Б существует бесконечное число «переходных звеньев, “переливающихся” одно в другое» (там же). Шкалу переходности автор изображает следующим образом: ‘ $A \rightarrow Ab \rightarrow AB \rightarrow aB \rightarrow B$ ’, где Ab , AB , aB – это «переходные соединительные ступени, или звенья, отражающие взаимодействие между соотносительными (противопоставленными) явлениями» (там же: 133). Помимо переходных зон, на шкале отмечена и так называемая *зона синкретизма*. Примерами переходности могут быть субстантивированные прилагательные, адъективные причастия, союзы-частицы, причастия, деепричастия и др. (она же 1971: 81-84). О.Ю. Инькова, применяет методику шкалирования для описания структурных особенностей двухместных коннекторов и союзов. Так, методика шкалирования компонентов высказывания от более значимого к менее значимому, или наоборот, которую предлагают О.Ю. Инькова и Н.А. Попкова, позволяет выделить разные семантические точки этой шкалы (Инькова, Попкова 2016). Подобную методику использовала и Е.В. Рахилина при описании синтаксической конструкции *let alone*, чьи компоненты разбиты на варианты пропозиции, «причем первая пропозиция (А) представляет более слабое предположение, чем второе (В)» (Рахилина 2010: 20).

Одним из главнейших признаков переходности в системе частей речи В.В. Бабайцева считает «синтаксическую функцию» (Бабайцева 1983: 36). По этой причине именно синтаксис является центральной причиной перехода знаменательных слов в разряд служебных – такое явление называется *грамматикализацией*. В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой приведено следующее определение грамматикализации: «1) обобщение, абстрагирование, отвлечение от конкретного лексического содержания;

2) утрата словом лексической самостоятельности в связи с привычным употреблением его в служебной функции; 3) превращение словосочетания в аналитическую форму слова» (Ахманова 1966: 25-26). Дж. Байби с соавторами в работе, посвященной теории грамматикализации, подчеркивают, что этот процесс характеризуется не только переходом «от лексического к грамматическому» но и тем, что «действие диахронического процесса представляет собой длинную цепочку изменений» (Bybee et al. 1994: 16). По теории грамматикализации, существуют определенные параметры, благодаря которым можно описать словоформы, способные подвергаться этому процессу. К таким относятся лексические единицы высокого уровня общности: например, глаголы движения *go* и *walk* причисляются к разряду грамматикализованных, так как изначально, «будучи возможными в большем числе контекстов, они использовались чаще других» (там же), поэтому «у данной конструкции» появляется «более общее значение», что позволяет использовать ее и с субъектами, вовсе не способными к физическому перемещению, а также при описании событий, не подразумевающих движение в пространстве», а «на поздних стадиях грамматикализации» единица «уже не имеет собственных сочетаемостных ограничений» (там же). Так единица постепенно получает грамматический статус, переходя от конкретного лексического значения к обобщенному.

Идею о конкретных признаках слов, способных подвергаться процессу грамматикализации, поддерживают и отечественные ученые. Так, З.Д. Попова подчеркивает важность компонента *релятивности* в семантике знаменательных слов, который способствует изменению синтаксических ролей знаменательных слов в предложении (Попова 2014: 5). А.С. Цой конкретизирует понятие релятивности и отмечает, что «знаменательные слова уподобляются служебным», только если эти слова (подвергающиеся грамматикализации) содержат в себе семы времени, места, причины, условия, цели, качества, количества и др., что позволяет им превращаться

в производные служебные слова⁹ (Цой 2004). О.О. Иванова, в свою очередь, приходит к выводу, что «наиболее активно осуществляется переход в предлоги лексем в предложно-падежной форме с непроизводным предлогом» (Иванова 2021: 54).

Часто переход сопровождается *фонетической редуцией*, единицы «фонетически более редуцированы, чем лексические единицы с обобщенным значением, а те, в свою очередь, более редуцированы, чем лексемы с конкретными значениями» (*там же*). Подводя итог, следует обозначить определение грамматикализации, актуальное для современной лингвистики. *Грамматикализация* – это «изменение, происходящее с лексическими единицами и конструкциями в определенных языковых контекстах, предполагающее выполнение грамматических функций, а также результат грамматикализации, продолжающий развивать новые грамматические функции» (Hopper, Traugott 2003: 18). Грамматикализация представляет собой развитие единицы от имеющей референциальное значение, однозначной, – к функциональной, которая становится маркером (грамматическим и дискурсивным). Грамматикализация, таким образом, объединяет все сходные изменения элементов языка, в ходе которых они приобретают функции, более близкие к грамматическим или функциям операторов (*operator-like*) (Traugott 2003: 645).

Интерес для настоящего исследования представляет процесс *конъюнкционализации* (разновидность транспозиции и результат грамматикализации) – «образование союзов или союзных средств на основе слов из других грамматических классов» (Богданова-Бегларян 2021: 20-21). Например, составной союз *не говоря о том что/чтобы* является результатом двухэтапного процесса транспозиции, который можно представить в виде схемы ‘ДЕЕПРИЧАСТИЕ → ПРЕДЛОГ → СОЮЗ’, где «деепричастие с отрицанием утрачивает связь с парадигмой исходного глагола и образует

⁹ Автор рассматривает переход знаменательных слов в служебные на примере предлогов, см. подробнее: Цой 2004.

сначала составной предлог (*не говоря о*), уже зафиксированный словарями, а затем и составной союз (*не говоря о том что/чтобы*) (*там же*). Н.В. Богданова-Бегларян приводит и другие схемы, описывающие образование новых союзов и союзных средств на базе самостоятельных частей речи, ср.: ‘ДЕЕПРИЧАСТИЕ → СОЮЗ’, ‘НАРЕЧИЕ → СОЮЗ’. Таким образом, пополнение класса союзов и союзных средств происходит за счет действия активного¹⁰ в устной речи процесса переходности.

Однако некоторые случаи конъюнкционализации объясняются не столько грамматикой, сколько экстралингвистическими особенностями, присущими современной УР. К таким особенностям относится, например, явление *гиперкоррекции* несмотря на то, что для повседневной речи характерен «минимум заботы о форме выражения» (Сиротинина 2007: 103). О.Б. Сиротинина выделяет некоторые особенности разговорной речи, по которым можно судить о качестве высказывания (в данном случае автор анализировала монологи и диалоги студентов): логичность, соблюдение грамматических норм, норм словоупотребления и т. п. Плохой же, по мнению О.Б. Сиротининой, «разговорную речь делает злоупотребление в ней *книжными, в том числе иностранными, словами, просторечными и жаргонными словечками* (курсив мой. – А. Б.), даже если они употреблены ради достижения определенного эффекта» (*там же*: 105) В последнее время наблюдается *неестественность* живой речи, за счет «“вокнижения” разговорности, в частности, за счет терминов и иностранных слов» (Костомаров 2015: 209). Помимо определенной, стилистически окрашенной, лексики, неестественность живой речи наблюдается и в употреблении сложных составных конструкций. К числу таких относятся и изучаемый в настоящей работе речевой коннектор *в плане того/что*, и синонимичный ему РК *в смысле того/что*. Н.В. Богданова-Бегларян на материале разных

¹⁰ Активность этого процесса доказывают петербургские ученые-лингвисты, в частности, Н.В. Богданова-Бегларян в статье «Конъюнкционализация как активный процесс русской устной речи» приводит статистические данные и опровергает положение о том, что союзов в устной речи меньше, чем в письменной. Такое ошибочное предположение может быть сделано без учета результатов *переходных процессов* в устной речи. См. подробнее: Богданова-Бегларян 2021.

контекстов пришла к выводу, что указанные РК являются разговорными конструкциями, «возникающими в УР как следствие гиперкоррекции, чрезмерного старания человека говорить хорошо», что подтверждают и статистические данные, согласно которым «в устном подкорпусе (НКРЯ. – А. Б.) доля рассматриваемых союзных конструкций от общего количества вхождений форм *плане* и *смысле* составила в среднем 7,8 и 9,0 % соответственно» (Богданова-Бегларян 2021: 24).

Такое стремление подчеркнуть грамотность своей речи, повысить ее статус, сделать ее более «престижной» (в частности, за счет сложных составных образований) может объясняться также регистром¹¹ устного дискурса. М.Ю. Князев и Е.А. Рудалева на примере корпусного анализа *что-клауз* и *то, что-клауз* доказывают, что «регистр влияет на выбор лексико-грамматических средств» и, несмотря на общепризнанность этого тезиса, «роль регистра в описании конкретных грамматических явлений пока представляется достаточно периферийной и уступает не только собственно грамматическим, но и семантико-прагматическим факторам, а также факторам, связанным с порождением и восприятием речи (таким как сложность обработки предложения, частотность и др.)» (Князев, Рудалева 2019: 151).

Появление нестандартных форм можно объяснить еще одним типичным явлением устной речи – *речевым сбоем*, ср.:

- *Вы сами понимаете / они бывшие военные / и / конечно / им в этом плане / что / очень и очень трудно* (УП)¹².

Форма *в этом плане что* в данном контексте является, скорее всего, результатом ошибки: «говорящий, вполне возможно, хотел сказать: *им в этом плане очень и очень трудно*, но по ходу порождения данного речевого фрагмента сбился и по инерции, “на автопилоте”, снова, вероятно, под влиянием гиперкоррекции, вставил элемент *что*» (Богданова-Бегларян 2021:

¹¹ Вслед за А.А. Кибриком, под *регистром* в настоящей работе понимается то же, что *модус*, т. е. способ передачи информации (устный или письменный модус/регистр). Регистр противопоставляется *жанру* и *стилю* (Кибрик А.А. 2009; Biber, Conrad 2009).

¹² Контекст приведен по статье (Богданова-Бегларян 2021: 25).

25). Таким образом, действие переходных процессов в устной речи во многом способствует появлению новых форм тех или иных частей речей.

Анализ подобных «новообразований» может быть использован в коррекции разметки корпусного материала, в лексикографической практике, в преподавании русского как иностранного и в построении *грамматики речи*.

1.3. Показатели связности: к вопросу о терминах

Связность и целостность являются главными признаками текста как такового, т. е. между его частями существуют определенные отношения. Под этими отношениями понимаются связи (выраженные конкретными языковыми средствами), которые превращают определенную последовательность символов в цельное высказывание, имеющее коммуникативную цель. *Лингвистика текста* подходит к тексту как к многоуровневой системе, а не линейной последовательности (*Инькова, Манзотти 2019: 7-8*). Проблема формальных показателей связности такой многоуровневой единицы, как текст, отражена в современных исследованиях, однако в современной лингвистике существует разветвленная терминосистема для служебных слов, которая возникла ввиду недостаточности описательных возможностей тех терминов, которые являются традиционными для отечественной лингвистики. Как отмечает Е.С. Шереметьева, понятие *служебные части речи*, «ограничивающееся тремя классами – предлогами, союзами, частицами, – оказывается неспособным отразить всего многообразия *служебноподобных* (курсив мой. – А. Б.) единиц» (*Шереметьева 2011: 135*). К традиционным можно отнести понятие сочинительной и подчинительной связи и их показателей (сочинительные и подчинительные союзы соответственно), которые оформляют «синтаксические связи предложений или синтаксические связи слов (словоформ)» (*Русская грамматика 1980: 712*) (РГ-80). Общепринятое определение *союза* следующее: это «служебная часть речи, при помощи которой оформляется связь между частями сложного предложения, между

отдельными предложениями в тексте, а также (это относится лишь к некоторым союзам) связь между словоформами в составе простого предложения (*там же*). Главное же отличие союза от предлога заключается в том, что «предлоги осуществляют свою служебную функцию в обязательном единстве с падежными формами существительного, тогда как союзы не только не связаны с грамматическими формами соединяемых слов, но и вообще безразличны к их принадлежности к той или другой части речи»; кроме того, союзы выявляют и конкретизируют связь, тогда как предлоги «вместе с падежной флексией – не просто выявляют связь, но формируют ее» (*там же*: 712). Такой подход к функции союзов является ядерным, однако с развитием лингвистики, в том числе и компьютерной лингвистики, эти положения стали подвергаться некоторой критике, а затем конкретизации и трансформации.

Так, О.Ю. Инькова и Э. Манзотти отмечают, что существуют определенные грамматические классы сочинительных союзов (по РГ-80): 1) соединительные (*и*), 2) противительные (*но*), 3) разделительные (*или*), 4) пояснительные (*то есть*), 5) присоединительные (*кроме того, да и*), однако последние две группы, по мнению автора, являются проблематичными по нескольким причинам. Во-первых, определение семантики пояснительных и присоединительных союзов оказывается затруднительным, как и определение их состава (какие конкретно союзы можно отнести в эти группы). Во-вторых, эти группы не выделяются в других лингвистических традициях. Показатели подчинительной связи объединяются в крупные семантические классы (по Б. Кортману): (А) *причинные, уступительные, условные* и близкие к ним; (В) *временные*; (С) «*модальные*» (образа действия, сравнительные и т. д.) и (D) *другие* (место, предпочтение и т. д.) (Инькова, Манзотти 2019: 13-15).

Недостаточность дихотомии *сочинение – подчинение* для анализа структуры сложного предложения признает и Е.В. Урысон¹³, которая выделяет, в зависимости от того, какие части дискурса связывает между собой коннектор, «мягкие» и «жесткие» союзы. Согласно этой классификации, к «мягким» союзам относятся те единицы, которые «могут связывать не только предложения или высказывания, но и целые группы предложений или высказываний». К «жестким» относятся союзы, которые «способны соединять только два предложения (высказывания)» (Урысон 2012: 318). Таким образом, признавать показателями связности только союзы и союзные средства считается недостаточным, и по этой причине лингвисты на протяжении уже двадцати лет вводят новые термины для обозначения этого уникального класса слов. Обозначим некоторые ключевые термины в их связи с персоналиями, важными для настоящего исследования.

В.В. Виноградов определял единицы, отвечающие за связность текстовых фрагментов (наряду с другими функциями), как разновидность *вводно-модальных слов* (Виноградов 1975). М.В. Ляпон пользуется термином *релятив* (Ляпон 1986), который использует и Е.С. Шереметьева (Шереметьева 2011), обозначая им смежное с коннектором явление. Кроме того, именно *отыменными релятивами* названы производные предлоги в монографии, посвященной лексикографированию служебных слов, а производные союзы – *союзными конструкциями* (*Лексикографические портреты служебных слов* 2022). Однако из-за использования этого термина для обозначения совершенно иных языковых явлений некоторыми исследователями он признается неудачным, так, О.Ю. Инькова пишет: «он (термин. – А. Б.) неудачен, поскольку употребляется в других областях лингвистического анализа: в исследовании устной речи для обозначения коммуникативных единиц, выполняющих речерегулирующие функции (Да

¹³ Это же подчеркивает О.Ю. Инькова, ср.: «На наш взгляд, синтаксическая дихотомия *сочинение – подчинение*, уже показавшая свою недостаточность для анализа структуры сложного предложения <...>, для анализа текста вообще, лишена смысла, поскольку, с одной стороны, в состав связующих средств входят единицы, которые нельзя описать с этой позиции, а с другой – она мало что говорит о смысловой организации текста и функциональных особенностях коннекторов» (Инькова 2020: 67).

ну!, Ни за что!, Да, Нет и др.) [Сиротинина 1974], называемые также “коммуникативами” [Сиротинина 2010], а также в типологических исследованиях для обозначения относительного местоимения или прилагательного [Ландер, 2012]» (Инькова 2021: 15). Однако такое разночтение не удивительно, поскольку в большинстве современных лингвистических учений появляются «полипарадигмальные термины (переходят из одной научной парадигмы в другую, меняя компоненты своего значения), либо *полидисциплинарные* (возникли на стыке нескольких наук, их значение варьируется в зависимости от объекта исследования)» (Любимова, Бузальская 2015: 216). Н.П. Перфильева вводит понятие *метатекстовых операторов* (Перфильева 2006). А.Ф. Прияткина считается родоначальником Дальневосточной школы русского синтаксиса и автором термина *текстовая скрепа* (Прияткина 2002, 2007). «Текстовая скрепа – это слово или фразеологизм, находящийся, как правило, в начале высказывания, создающий связь высказываний и обозначающий определенный тип отношения» (Прияткина, Стародумова 2015: 135). Наряду с термином «скрепа» Т.А. Колосова и М.И. Черемисина используют термин «функтив» и выделяют *союзные функтивы* (союзные скрепы) и *прономинальные функтивы* (прономинальные скрепы) (Черемисина, Колосова 1987: 136). А.Н. Баранов с соавторами называют такие единицы *дискурсивными словами*, предлагая самую широкую их классификацию¹⁴ (Баранов и др. 1993). Некоторые современные российские лингвисты, например, О.Ю. Инькова, Анна А. Зализняк, И.М. Кобозева¹⁵, Н.В. Богданова-Бегларян¹⁶ используют термин *речевой коннектор*. Именно этот термин выбран в качестве основного для настоящего исследования.

¹⁴ Широкой эта классификация считается по той причине, что и другие классы слов часто включаются в дискурсивные слова, ср.: «Скрепы и коннекторы включаются, в свою очередь, в более широкий и на сегодняшний день также плохо определенный класс дискурсивных слов, функция которых заключается не в участии в создании пропозиционального содержания высказывания, а в том, что они дают инструкцию о его интерпретации» (Инькова 2021: 15).

¹⁵ Перечисленные лингвисты являются авторами монографии (*Семантика коннекторов...* 2018), где коннекторы обозначены как лингвоспецифичные языковые единицы.

¹⁶ Например, в статье (Богданова-Бегларян 2022б).

1.4. Функциональный класс речевых коннекторов

Термин «коннектор» по своему объему близок к понятию «текстовая скрепа». Оба этих класса противопоставлены союзу «на том основании, что главное свойство коннектора состоит в том, что он может связывать не только высказывания, но и т.н. “сверхфазовые единства”» (Урысон 2012: 640). Формально коннекторы и союзы – это неизменяемые слова, «обладающие схожими функциями», и если упростить и обобщить эти функции, то можно сказать, что «и те, и другие связывают между собой предложения» (там же: 638). Однако несмотря на такую схожесть, союзы в иерархии служебных единиц находятся ниже и включаются в класс коннекторов. О.Ю. Инькова отмечает, что оппозиция «связь высказываний» vs «связь предложений или их частей» не может быть основной для выделения функционального класса коннекторов. Значит, образуется континуум, «на одном конце которого располагаются коннекторы типа *итак*, употребляющиеся исключительно для связи высказываний, а с другой, союзы типа *потому что*, которые употребляются исключительно для связи частей предложения» (Инькова 2021: 16). Главным и основным основанием для выделения функционального класса коннекторов, конкретнее речевых коннекторов, является выражаемое ими логико-семантическое отношение (ЛСО)¹⁷. В свою очередь, и скрепы, и коннекторы включены в более широкий класс дискурсивных слов, рамки которого тоже недостаточно очерчены. Дискурсивные слова обеспечивают «успешность коммуникации на разных уровнях и в разных планах: отношения между участниками коммуникации, отношение говорящего к сообщаемому, отношения между входящими в сообщаемое высказываниями и др.» (Инькова 2021: 15).

Термин «коннектор» был введен для того, «чтобы избежать необходимости приписывать к определенному морфологическому классу разнообразные языковые единицы, способные выполнять функцию

¹⁷ Коннекторы – это показатели ЛСО, поэтому выражаемые ими отношения – основной параметр, превалирующий над всеми остальными.

выражения логико-семантических отношений между фрагментами текста, тем более что список таких единиц все время пополняется» (Инькова 2018: 67). О.О. Иванова отмечает некоторые проблемы в грамматическом и семантическом описании коннекторов, связанные с морфологической неоднородностью этого класса слов. Так, до сих пор неясным остается синтаксическая функция коннектора в предложении: является ли коннектор адьюнктом, модифицирующим глагольную группу предложения, как частица, или коннекторы остаются вне синтаксической структуры, как вводные слова (*она же* 2021: 52). Кроме того, открытым остается вопрос о семантической близости отыменных коннекторов к подобным союзам, а также какое логико-семантическое значение выражают коннекторы (если сравнивать их с вводными словами). Коннекторы – это именно класс слов, они *не являются отдельной частью речи*. Уже в РГ-80 ставится вопрос о переходе других частей речи в класс союзов, «резервом, пополняющим класс союзов, являются формально неизменяемые слова, главным образом из сферы частиц, наречий и вводных (модальных) слов, которые семантически приспособлены к выражению тех или иных абстрактных отношений» (*Русская грамматика* 1980: 713). Следует обратить внимание, что названный резерв лингвисты далее и отнесут к функциональному классу РК. По определению О.О. Ивановой, *речевые коннекторы* – это «функциональный класс слов, которые выражают *дискурсивные, логико-семантические отношения* (курсив мой. – А. Б.) между единицами, выделяемыми на разных уровнях членения дискурса, от элементарных дискурсивных единиц (клауз) до сложных (реплик, абзацев, пассажей, периодов)» (Иванова 2021: 51). Поэтому в класс коннекторов входят, помимо собственно союзов, предлоги, наречия и наречные выражения, «квалифицируемые русской грамматикой “аналогами союзов” (*однако, тем не менее, кроме того* и др.), а также предикативные структуры (*дело в том, что; приведем/возьмем такой пример и подобные*)» (Инькова, Манзотти 2019: 14). Примерами коннекторов

являются такие слова, как *между тем*, *во-первых*, *во-вторых* и др., функционирование которых анализирует Е.В. Урысон, ср.:

- *Мы уже давно сбились с дороги. Всем хотелось есть. **Между тем** начало смеркаться;*
- *Расширять дело мы сейчас не можем. **Во-первых**, нам придется тогда арендовать другое помещение. Найти большой и дешевый офис в центре почти невозможно. **Во-вторых**, надо будет увеличить штат. Это значит – платить огромный налог. **В-третьих**, наши поставщики слишком ненадежны¹⁸.*

В приведенных контекстах выделенные слова являются коннекторами, а их главное отличительное свойство – способность «связывать группы высказываний» (Урысон 2012: 640). Союзы же, как отмечено выше, связывают простые предложения (его части) в составе одного сложного. Однако «разные коннекторы накладывают разные ограничения на связываемые ими фрагменты текста»: так, коннектор *между тем* «связывает предшествующую группу предложений или высказываний с одним высказыванием, внутри которого располагается сам», а коннекторы *во-первых*, *во-вторых*, «наоборот, связывают одно высказывание (предложение) с группой последующих высказываний (предложений)» (*там же*). Коннектор, таким образом, должен иметь две семантические валентности, между которыми и образуются ЛСО. Если одна из таких валентностей отсутствует, то справедливо говорить об отсутствии ЛСО, а значит, и об отсутствии функции коннекторов. Как в следующем контексте, ср.:

- *Газета напечатала статью под заголовком – «Диверсант у микрофона», Разудалова в статье именовали, **например**, «кремлевским жаворонком» [С. Довлатов. Иностранка (1986)].*

Выделенное слово *например* в данном контексте не является коннектором, так как это не показатель логико-семантических отношений, ввиду отсутствия предыдущего контекста. Слово *например* отсылает к множеству, ко всем возможным наименованиям персонажа (Инькова 2021: 17). По этой же причине нельзя отнести к текстовым скрепам и коннекторам

¹⁸ Контексты приведены по статье Е.В. Урысон (Урысон 2012: 640).

такие единицы, как *Да. Нет. Вот и все*¹⁹, так как они имеют только одну семантическую валентность (предыдущий контекст), однако никак не связаны с последующим (*там же*). Е.В. Урысон отмечает, что у коннекторов, как и у союзов, естественно усматривать две синтаксические валентности²⁰, два семантических актанта Р и Q, которые представляют собой ситуации (пропозиции) (Урысон 2013: 18). Синтаксическим актантом некоторой предикатной лексемы является ее «синтаксическое значение». (*там же*: 19). Причем валентности эти будут обозначать разные ситуации, в зависимости от контекста. Е.В. Урысон приводит следующие контексты для анализа:

- *Был очень сильный мороз. Тем не менее лыжные тренировки не отменялись.*
- *Хотя был очень сильный мороз, лыжные тренировки не отменялись.*
- *Да, это внезапное появление могло испугать кого угодно, и тем не менее оно являлось большой радостью (М. Булгаков).*
- *Хотя это внезапное появление могло испугать кого угодно, оно являлось большой радостью.*

В этих контекстах союз *хотя* и коннектор *тем не менее* «описывают положение дел, когда имеют место две ситуации – Р Q, причем ситуация Р препятствует существованию ситуации Q. Тем самым слова *хотя* и *тем не менее* имеют по два семантических актанта» (Урысон 2013: 13). Е.В. Урысон, как уже отмечалось выше, противопоставляет союзы и коннекторы на основе их «мягкости» и «жесткости»: «жесткие» союзы (могут связывать только два предложения), по мнению автора, не должны включаться в класс коннекторов. Эти оппозиционные положения о текстовых скрепах и коннекторах (и «мягких» союзах, в них включенных, по теории Е.В. Урысон) не имеют количественного обоснования, и можно говорить только о «преимущественном» (Инькова 2018: 69) употреблении связующего

¹⁹ Эти единицы относят к текстовым скрепам А.Ф. Прияткина (Прияткина 2002), с чем не соглашается О.Ю. Инькова (Инькова 2021).

²⁰ Под *валентностью* в работе, вслед за Ю.Д. Апресяном, понимаем следующее: «способность предикатной лексемы синтаксически подчинять себе слово, группу слов или предложение, которые соответствуют ее семантическому актанту» (Апресян 2004: XXV).

средства, а «вопрос о квантификации возможности у связующей единицы вводить фрагмент текста определенной синтаксической структуры приобретает, таким образом, теоретическое значение» (*там же*: 70).

Несмотря на то что коннекторы в современной лингвистике обозначаются как функциональный класс слов, все же выражение связности между частями дискурса должно характеризоваться наличием значения. Один из вариантов классификации значений предлагают О.Ю. Инькова и Э. Манзотти, опираясь на работу *Breindl et al.* 2014. На первом этапе выделяются коннекторы, которые устанавливают отношения на пропозициональном уровне, а далее – на метаязыковом. Пропозициональные коннекторы разделяются на два семантических класса: *хронологические* (выражающие временные отношения между двумя положениями вещей: частоту положения вещей, его временной предел или продолжительность) и *логические*, разделяемые на три группы в зависимости от семантической операции, на которую они опираются (аддитивность, альтернатива, импликация). Метаязыковые коннекторы делятся на две группы: «коннекторы, обеспечивающие оптимальную формулировку и отношения спецификации и генерализации (напр., *иначе говоря, другими словами*)», и «коннекторы, обеспечивающие оптимальный процесс коммуникации (показатели уточнения, напр., *а именно*; экзemplификации, напр., *например*; степени релевантности информации, напр., *впрочем*)» (*Инькова, Манзотти* 2019: 22). Однако и эта классификация не считается достаточно полной, так как в ней не находят места некоторые семантические классы коннекторов (авторы приводят в пример сравнительные коннекторы).

Эти же авторы предлагают более разветвленную классификацию, уже не коннекторов, а ЛСО, показателями которых и являются коннекторы. В основу такой классификации положены базовые семантические операции, или механизмы, на которые опирается то или иное ЛСО. Всего авторы выделяют четыре таких операции (далее по: *там же*: 64):

- 1) импликация (отношения условия, причины, следствия, цели, уступки и оговорки),
- 2) расположение на шкале времени (синхронные и асинхронные отношения),
- 3) сравнение (тождество или не тождество),
- 4) соотнесение частного и общего или элемента и множества (генерализация, отношение аддитивности и исключения).

Кроме того, следует выделять и семантические уровни:

- 1) пропозициональный уровень,
- 2) уровень высказывания,
- 3) метаязыковой уровень.

Остановимся подробнее на каждом уровне.

Отношения на *пропозициональном уровне* устанавливаются между пропозициями, т. е. ситуациями или положениями вещей, которые описаны в каждом из фрагментов текста.

Об отношениях на *уровне высказывания* корректно говорить, если для интерпретации такого высказывания необходимо принять во внимание коммуникативные характеристики высказывания, к которым относятся намерение говорящего и общие характеристики коммуникативной ситуации и речевого общения. Это могут быть:

- 1) *отношения эпистемического характера* (Sweetser 1990): первый фрагмент высказывания представляет собой гипотезу, а второй – обоснование истинности этой гипотезы;
- 2) *отношение иллокутивного характера*: первый фрагмент – речевой акт, второй фрагмент – обоснование этого акта;
- 3) *отношение комментирующего характера*: первый фрагмент – коммуникативно самостоятельно высказывание, второй фрагмент – дополнительная информация.

Следующим уровнем является *метаязыковой*, и говорить об отношениях на этом уровне можно, если присутствуют следующие

параметры: «выбор словесной формы высказывания; способ представления действительности; места фрагмента текста в его общей организации, например, очередность» (Инькова, Манзотти 2019: 66). Учет ЛСО в характеристике коннекторов имеет важное классифицирующее значение.

Открытым остается и вопрос о структурном варьировании коннекторов, особенно в устной речи, где зачастую рождается большое количество сложных составных конструкций. Такие союзные конструкции живой речи давно привлекают внимание лингвистов, особенно их «функционирование в качестве служебных единиц при явной лексичности, при стойкой связи с породившим их существительным» (Шереметьева 2010: 56). В области служебных слов наблюдается активизация процессов структурного усложнения, что связано с «большим количеством и разнообразием языковых средств, участвующих в их образовании» (Завьялов 2008: 87). Для описания коннекторов, состоящих из более чем одного слова, О.Ю. Инькова предлагает использовать *когнитивно-семантический подход*, так как «при таком подходе ‘неоднословные’ коннекторы, обладающие свойством вариативности формы, рассматриваются не как целостные грамматические единицы, входящие в знание языка и воспроизводимые в готовой форме, а как свободные сочетания, принадлежащие сфере речи» (Инькова 2018: 242), а основной единицей такого подхода является «речевая реализация» (*там же*). О.Ю. Инькова выделяет следующие кластеры разноэлементных коннекторов:

- одноэлементные *речевые реализации* (состоящие из одного элемента: *и, или, но, а, хотя, тогда* и т. д.);
- многоэлементные *речевые реализации* (состоящие из нескольких элементов: *и вообще, к тому же, но при всем при том, еще и |вдобавок²¹*);

²¹ Одиночная вертикальная черта в написании речевой реализации означает, что ее элементы разделены другими словами (Инькова 2018).

- двухкомпонентные *речевые реализации* (которые вводят два текстовых фрагмента: *даже если бы || то, как только || тут же, хотя | и || но | между тем*²²);
- многокомпонентные речевые реализации (компоненты, которые вводят более двух текстовых фрагментов: *не только || но даже и || и даже; хотя || хотя || однако все же*).

По этой классификации, следует разграничивать коннекторы (= речевые реализации), состоящие из одного или нескольких компонентов, и коннекторы, которые вводят одно или несколько высказываний (контактное или дистантное расположение). Таким образом, обобщая все вышесказанное следует отметить, что аннотирование коннекторов включает следующий набор параметров:

- 1) выражаемое коннектором логико-семантическое отношение (ЛСО);
- 2) синтаксическая структура вводимого коннектором фрагмента текста;
- 3) порядок следования фрагментов текста, связанных коннектором;
- 4) для полифункциональных единиц – их статус в данном контексте: коннектор или не коннектор (ср., например, *только* или *наконец*, которые далеко не во всех случаях своего употребления являются коннекторами);
- 5) расположение элементов, входящих в состав неоднословного коннектора (контактное или дистантное)» (*Инькова 2018: 245*).

Ядерную позицию в классе двухместных коннекторов «составляют коннекторы, представляющие собой классические коррелятивные пары, члены которых связаны анафорическим отношением» (*там же: 168*). Зачастую их структурной модификации способствует коммуникативная цель говорящего, а потому важно *коммуникативное поведение* (*Басалаева и др.*

²² Двойная вертикальная черта в написании двух- и многокомпонентных речевых реализаций коннекторов означает, что их компоненты не только разделены другими словами, но и вводят разные текстовые фрагменты (*Инькова 2018*), то есть разные части дискурса, разные пропозиции, а не части одной и той же.

2020: 9) единицы в речи²³. Кроме того, следует отметить, что выбор того или иного коннектора (или его вариантов) для выражения логико-семантических отношений «зависит не только от знаний языка, но и *от коммуникативного намерения говорящего* (курсив мой. – А. Б.), в передаче которого задействованы также общие принципы общения и знания о мире» (Инькова 2018: 3-4). Таким образом, существует некоторая вариативность коннекторов. И если двухместные коннекторы можно выделить как отдельную единицу, то некоторые варианты одного коннектора двумя разными единицами назвать сложно. Особенно сложным описание подобных структур представляется для современных словарей служебных слов. Сложные составные конструкции (в частности, служебные слова и «сочетания, эквивалентные слову») словари трактуют в упрощенной форме, включая в отдельную словарную статью, «на довольно субъективной основе, некоторые из этих комбинаций, оставляя за бортом другие», имеющие, на взгляд авторов, такой же статус (Инькова 2018: 2).

Следует отметить и еще одну функцию, реализуемую коннекторами. Помимо выражения логико-семантических отношений, РК могут «определять место вводимого ими фрагмента в общей тематической организации текста». А «текстовая функция реализуется только при связи самостоятельных высказываний (понимаемых как коммуникативно законченные отрезки текста), а чаще – при связи более крупных фрагментов текста, тогда как для установления ЛСО не существует формальных

²³ См. еще о *коммуникативном поведении* слова: «В отличие от понятий “национальное коммуникативное поведение”, “групповое коммуникативное поведение” и “личностное коммуникативное поведение”, под которыми понимается совокупность норм и традиций общения определенных народа, группы или личности (Стернин 2015), понятие “коммуникативное поведение слова” не носит статуса общепринятого термина и не имеет фиксированного определения. Одним из первых обращений к понятию “поведения слова” можно считать тезис Ю.Д. Апресяна, высказанный в одной из его работ: “лингвист должен работать на всем пространстве лексем и учесть все типы их поведения, не предусмотренные в словаре” (Апресян 1988: 7). В работе Г.Н. Складневской также используется это понятие: “сущность словаря – организация языковой картины мира, статически представленной в языковой картине мира; сущность прагматики – неуправляемое поведение языковых элементов в разнообразных и неустойчивых актах речи” (Складневская 1995: 63). На основе того, как используется понятие *поведения слова* (курсив и дальнейшее выделение – автора. – А. Б.) в научной литературе, можно сформулировать следующее определение: **коммуникативное поведение слова** – это совокупность различных свойств лексической единицы (просодических, морфологических, семантических, синтаксических, сочетаемостных, прагматических), определяющих своеобразие ее использования в коммуникации, функционирования в речи» (Базаржапова 2023: 24).

ограничений на фрагменты текста» (*она же* 2021: 18). ЛСО устанавливаются между смежными фрагментами текста, расположенными рядом (в некоторых случаях можно говорить и о дистантном их расположении), а текстовая функция реализуется и между двумя фрагментами, которые разделены другими фрагментами (значительными по размеру). Например, единица *кстати*²⁴, которая часто используется для возвращения к предыдущему разговору или общему фонду знаний, к совершенной другой событийной пропозиции (здесь речь идет не о дистантном расположении). Такая функция может быть как текстовой, так и текстоструктурирующей. Эту функцию реализуют метатекстовые показатели (коннекторы или скрепы) и сигнализируют о тематической организации текста: «введение новой темы (*поговорим о..., что касается..., то*), завершение отступления от темы и возвращение к сказанному ранее (*вернемся к*), поворот в повествовании, группировка в семантические блоки на основании единого критерия (рамочные выражения типа *с этой точки зрения, согласно X*) и др.» (*там же*: 19). На этом основании можно выделить оппозицию – *текстовые коннекторы | скрепы* и *речевые коннекторы | скрепы*.

1.5. Выводы по главе

Основное и важное, что выделяют все исследователи, вне зависимости от использования термина «коннектор» или «текстовая скрепа», это функция выражения логико-семантических отношений между фрагментами текста. Фрагментами текста могут быть как части сложного предложения (и тогда следует отмечать функцию союза у коннектора), так и самостоятельные предложения (что более характерно для коннектора и не совсем характерно для союза). Последние коннекторы чаще называются текстовыми скрепами. Однако существует некоторый синкретизм этих терминов, так как, несмотря на смежность коннекторов и текстовых скреп, последние противопоставляются союзам по своим синтаксическим свойствам (см.: *Прияткина, Стародумова* 2017). Однако существует еще одна функция

²⁴ См. подробнее о единице *кстати*: *Богданова-Бегларян, Прокопенко* 2022; *Прокопенко* 2022.

коннекторов – текстовая, и тогда следует разделять текстовые коннекторы/скрепы и речевые (или логико-смысловые) коннекторы/скрепы.

В Главе 2 настоящего исследования проанализированы особенности функционирования РК *в плане / в этом плане / в том плане что* в устной повседневной речи с учетом тех грамматических особенностей, которые описаны в Главе 1. Анализ материала произведен с точки зрения установления лексико-семантических отношений между двумя пропозициями. Кроме того, зафиксированы разные модели функционирования коннекторов и их структурные особенности, варьирование которых зависит от коммуникативного намерения говорящего.

ГЛАВА 2

РЕЧЕВЫЕ КОННЕКТОРЫ В ПЛАНЕ / В ЭТОМ ПЛАНЕ / В ТОМ ПЛАНЕ ЧТО: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В УСТНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

2.1. Материал и методика исследования

Источником материала для настоящего исследования послужили два ресурса: устный подкорпус Национального корпуса русского языка и корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД).

В НКРЯ, помимо газетного, диалектного, параллельного, мультимедийного и других подкорпусов, функционирует и развивается устный подкорпус, в котором собраны расшифровки магнитофонных записей публичной и бытовой повседневной устной речи, записанные и предоставленные, в частности, А.С. Гердом и О.Б. Сиротининой. Кроме того, в УП вошли «записи публичной речи (интервью, выступления и т. п.), транскрипты кинофильмов, записи разговорной речи, сделанные Е.А. Земской, М.А. Китайгородской и Н.Н. Розановой, записи устной речи» (Зайдес 2020: 42). Объем устного подкорпуса составляет сегодня 13 963 131 словоупотребление, что составляет лишь 3 % от всего объема корпуса (данные на апрель 2023 г.). Лингвистическая разметка УП та же, что и для «письменных» подкорпусов – метатекстовая, морфологическая, семантическая. Помимо основных типов разметки, в УП используется социологическая разметка (пол, возраст говорящего). Социологическая разметка часто является логичным замещением метаразметки (например, если говорящие по этическим причинам безымянны, и по другим причинам), тогда главным параметром текста являются социологические данные.

Во многом уникальными являются два речевых корпуса, созданных в СПбГУ: «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) и «Один речевой день» (ОРД). Оба корпуса – это крупнейшие базы, в которых собраны актуальные материалы устной спонтанной речи. Спонтанность и естественность записываемой речи обусловлены двумя аспектами, «во-

первых, ничто не должно влиять на особенности речевого поведения говорящего в конкретных речевых ситуациях; во-вторых, информант реализует свое поведение в стандартных речевых ситуациях» (*Звуковой корпус...* 2013: 146). Корпусы размечены социологически и психологически, т. е. база данных содержит следующие сведения о говорящем: пол, возраст, место рождения и наиболее длительного проживания, уровень и характер образования, профессиональная занятость или род занятий, тип темперамента и мн. др. Из психологических характеристик фиксируются такие признаки говорящих, как экстравертность и интровертность (*Богданова-Бегларян и др.* 2017: 8). Корпус ОРД создавался с использованием методики 24-часовой записи, что позволяет получить максимально естественную речь человека в условиях повседневного общения. Запись проводилась с использованием диктофона, который, предварительно настроив, информант закреплял на себе стационарно. Методика сбора материала была направлена на реализацию главной цели современных корпусов устной речи, а именно на получение записей «русской спонтанной речи в максимально естественных условиях» (*Звуковой корпус...* 2013: 146). Объем корпуса на данный момент составляет более 1250 часов звучания (более 1 млн. словоупотреблений в расшифровках) и состоит из речевых записей 130 информантов и более 1000 их коммуникантов.

В пользовательский подкорпус настоящего исследования вошли три блока контекстов:

- 1) из УП НКРЯ: *в плане* – 282 употребления, *в этом плане* – 200 употреблений, *в том плане что* – 65 употреблений;
- 2) из ОРД: *в плане* – 12 употреблений, *в этом плане* – 10 употреблений, *в том плане что* – 3 употребления;
- 3) материалы личных записей окружающей речи (жителей Новосибирска и Санкт-Петербурга, за 2021-2023 гг.): 100 контекстов употребления.

Всего в пользовательский подкорпус вошло 800 контекстов. Основным источником материала для исследования стали контексты УП НКРЯ, для проверки некоторых гипотез были использованы контексты ОРД и личные записи. Контексты из корпусов были отобраны методом сплошной выборки.

При изучении устного дискурса необходимо обращаться к потенциалу современных языковых (речевых) корпусов, которые продолжают совершенствовать принципы разметки материала и его объем (для представительности не только письменной, но и устной речи). При изучении контекстов УР в пользовательском подкорпусе исследователя могут появиться нестандартные формы употребления единиц, являющиеся объектом работы, что еще раз подчеркивает необходимость фиксации языковых изменений, проявляющихся по большей части в разговорной речи²⁵. Причины появления таких нестандартных употреблений могут объясняться активно действующими в русском языке переходными процессами, а их значение для языковой эволюции зачастую недооценивается. Применение методов *корпусной лингвистики* позволило выделить особенности речевых коннекторов *в плане / в этом плане / в том плане что* и сформулировать их основную функцию в каждой группе контекстов. А результатом *методики шкалирования*, примененной

²⁵ Мысль о том, что причины языковой эволюции лежат в нашей речи, в индивидуальном речевом носителях языка, высказывалась в лингвистике неоднократно, ср.: «Все диахроническое в языке является таковым через речь. В речи источник всех изменений; каждое из них первоначально, прежде чем войти в общее употребление, начинает применяться некоторым коллективом индивидов. <...> Факту эволюции [языка] всегда предшествует факт, или, вернее, множество сходных фактов в сфере речи» (*Соссюр* 1933: 102); «Новая норма всегда начинается с целого ряда индивидуальных фактов» (*там же*: 136); «Ничто не входит в язык, что не было бы раньше испытано в речи, и все явления эволюции коренятся в сфере индивида» (*там же*: 156); «всякое языковое изменение – индивидуального происхождения; в своем начале – это свободное творчество человека» (*Бонфанте* 1960: 299); «Совершенно очевидно, что для правильного понимания языкового изменения важно не отрывать язык от говорящих» (*Косериу* 1963: 215). Ср. также: «С появлением новых технологий устная речь становится важным объектом академического изучения. Она дает бесценный материал, которого письменная речь дать не может. Она помогает нам проникнуть в суть когнитивных процессов, понять, как устроена коммуникация» (*Подлеская* 2023); устная речь является во многом той «“благодатной почвой”, на которой произрастают ростки нового в нашей речи» (*Богданова-Бегларян* 2020: 28), а корпусный подход к анализу такой речи «позволяет ставить новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась» (*Плунгян* 2005: 13), а порой даже «заглянуть в будущее русского языка» (*там же*: 9).

к материалу настоящего исследования, стала веерная шкала переходности²⁶, на которой обозначены векторы развития основных переходных процессов.

Все контексты в работе проанализированы в соответствии с «теорией валентностей» (Урысон 2012) и разложены на семантические пропозиции по классификации (Инькова, Манзотти 2019), где пропозиция p^n – обобщенная ситуация, а пропозиции p^1 , p^2 – показатели спецификации или генерализации. Пример анализа генерализации с точки зрения такой схемы приводит О.Ю. Инькова, ср.:

- *Значит, кризис – явление стабильное. Упадок вообще стабильнее прогресса* [С. Довлатов. Филиал (1987)].

В этом контексте «общее утверждение p^2 (*упадок вообще стабильнее прогресса*), содержащее квантификацию предиката, делается после частного утверждения p^1 (*кризис – явление стабильное*), и именно p^2 заставляет пересмотреть p^1 , уже обладающее высокой степенью обобщенности, как частный случай еще более общей закономерности. Отношение между p^1 и p^2 можно квалифицировать как отношение генерализации» (Инькова 2017: 60-61).

В следующем разделе подробно описываются особенности функционирования каждой отдельно взятой единицы – из заявленных в названии настоящей работы.

2.2. Речевой коннектор В ПЛАНЕ в функции предлога

Рассматриваемые в работе коннекторы *в плане / в этом плане / в том плане что* выстраиваются в эволюционную динамическую цепочку, где каждый следующий элемент является структурно и семантически сложнее, чем предыдущий.

Исходный элемент цепочки – однозначное существительное *план*. Существующее лексикографическое описание существительного *план* не является актуальным, так как не учитывает грамматического потенциала данного слова. В «Большом толковом словаре» под редакцией

²⁶ Подробнее о веерной шкале переходности см.: Сунь Сяоли 2022.

С.А. Кузнецова (*БТС* 1998: 837) приведено семь значений анализируемого слова, и только в последнем из них отмечено отличное от ядерного значения описание, ср.: «чего или с опр. Та или иная область, сфера проявления чего-л.» (*там же*: 837). Однако и здесь не указаны возможные пути перехода знаменательного слова в разряд служебных. То же наблюдается и в *МАСе* под редакцией А.П. Евгеньевой (*МАС* 1999: 132).

По этой причине первым анализируемым элементом этой цепочки является РК *в плане*. Для иллюстрации этих процессов каждый отдельный его этап описывается как вектор шкалы (**GRAM #**), которая приведена ниже на рис. 3.

Согласно классификации О.Ю. Иньковой, следует разграничивать коннекторы и их речевые реализации, состоящие из одного или нескольких компонентов, и коннекторы, которые вводят одно или несколько высказываний (контактное или дистантное расположение). РК *в плане* является многоэлементной единицей, так как состоит из двух компонентов, а также базовой формой. Базовая форма коннектора определяется как по количественным, так и по качественным данным. Так, структурно эта единица проще, чем следующие, т. е. закономерно считать коннекторы, расположенные далее в цепочке усложненными за счет дополнительных компонентов. Кроме того, число вхождений единицы *в плане* составляет 51 % от общего числа вхождений (по данным пользовательского подкорпуса, включая личные записи), что составляет половину всего собранного материала. На этом основании настоящий коннектор является производным для всех последующих единиц.

Речевой коннектор *в плане* теряет связи со своим исходным элементом *план* и стремится к функциональному классу слов, без какого-либо явного лексического значения. РК *в плане* является полифункциональной единицей. Под *полифункциональностью* понимается способность некоторых единиц (некоторых классов) «иметь несколько разных или сходных прагматических

функций, которые реализуются либо одновременно, либо по одной (изолированно) в разных контекстах» (Викторова 2014: 19).

Первым вектором разработанной шкалы (**GRAM 1**) является коннектор-предлог *в плане* – результат препозиционализации. Эта единица, как и классический предлог, осуществляет свою служебную функцию в единстве с падежными формами имени существительного и входит в состав падежного вопроса (*в плане чего?*), ср.:

- (1) *Итальянским я владею намного лучше **в плане** разговорной речи/ а по немецкому я хорошо подкован **в плане** грамматики (УП);*
- (2) [Земфира, жен, певица] *Все эти "хорошо темперированные клавиры"/ гармонические очерёдности/ которые вообще существуют в мире/ – ничего нового **в плане** гармонии после Баха не было/ только новые настроения/ новые ритмические приёмы (УП);*
- (3) *И(:) там что типа как женщины себе врут // **в плане** мужиков / что типа / он там мне не звонит потому что там он слишком за(:)нят / он там не может со мной встретиться потому что он так много работает / ну и вот знаешь всё в таком духе (ОРД);*
- (4) *Ой да / я конечно вам не завидую **в плане** выбора / профессии (ОРД);*
- (5) *Если мы сейчас туда поедем, то там будет очень классно **в плане** погоды (из разговора).*

РК-предлог *в плане* функционирует на уровне «предложения» и связывает между собой самостоятельные части речи, что наблюдается в контекстах (1)-(5): *владею (в плане чего?) разговорной речи, ничего нового (в плане чего?) гармонии, врут (в плане чего?) мужиков, не завидую (в плане чего?) выбора профессии, будет классно (в плане чего?) погоды*. Здесь следует обратить внимание на позицию РК, который находится в середине «предложения». Однако эта его позиция не единственная, хоть и наиболее частотная (более 60 % контекстов в пользовательском подкорпусе).

Дислокация РК *в плане* обычно происходит из середины «предложения» в начало, ср.:

- (6) [И1, жен, студентка] *А музей как-то ощущает кризис/ **в плане посещаемости?** [Власов Дмитрий Викторович, муж, работник музея] **В плане посещаемости пока нет/ мы ощущаем как бы положительное явление кризиса/ то/ что у нас сейчас заполнились все вакантные***

места и сотрудников/ и зрителей/ ээ полгода назад у нас просто не хватало рабочих мест много... (УП);

- (7) [Елена 2, жен, 20, 1981, студент] **В плане** образования и общения/ да/ видно/ что человек умный и чего-то добился (УП);
- (8) [И2, жен, консультант] Ну/ он **в-в плане** экономики/ вы имеете в виду? [Илья, муж, студент] **В плане** экономики/ конечно же/ да (УП).

Единица *в плане* связывает разные фрагменты высказывания. Как в контексте (6) – часть высказывания в пресуппозиции и существительное *посещаемость*: (в плане чего?) *в плане посещаемости*. Это прослеживается в контекстах (7)-(8), которые построены аналогичным образом. Собеседник информанта задает вопрос с единицей *в плане*, а информант начинает свой ответ с этой единицы, логически продолжая тему диалога, однако вводя при этом ремю. Такая позиция РК *в плане* интересна и с точки зрения актуального членения «предложения».

Таким образом, одной из функций РК *в плане* является функция предлога. В целях избежания синкретизма терминов в рамках исследования используется термин *коннектор-предлог*, который указывает на принадлежность данной единицы функционального класса коннекторов и на одну из возможных функций. Основанием для выделения этой единицы в качестве коннектора послужили два основных параметра. Во-первых, РК *в плане* устанавливает логико-семантические отношения между некоторыми фрагментами дискурса. Во-вторых, у коннектора выделяются два обязательных актанта (Р и Q).

Остановимся на логико-смысловых отношениях²⁷, которые реализует РК. В контекстах (1)-(5) логико-смысловые отношения устанавливаются на пропозициональном уровне, так как связывают между собой некоторые положения вещей, описанные в каждой из частей высказывания. В контексте (1) актанта Р – это *итальянский*, актанта Q – *разговорная речь*, и в следующей части высказывания Р – *немецкий*, Q – *грамматика*. В контекстах (2)-(4) высказывания таким же образом раскладываются на актанта. На уровне

²⁷ ЛСО определены с опорой на классификацию О.Ю. Иньковой и Э. Манзотти, описанную в разделе 1.4 настоящего исследования.

семантических операций между этими актантами возникают отношения соотнесения частного и общего, или элемента и множества, иначе «мереологические отношения» (Инькова 2016).

В контексте (1) справедливо говорить об отношениях спецификации, пропозиция $P = p^n$ (общее), а пропозиция $Q = p^1$ (частное). В контексте (2) пропозицией P является ситуация вранья (p^n), а $Q = p^1$ – конкретная ситуация. В контексте (3) $P = p^n$ (*зависть*), $Q = p^1$ (*выбор профессии*). В контексте (4) $P = p^n$ (*будет классно*), $Q = p^1$ (*погода*).

Несмотря на то что РК *в плане* соединяет не полноценные событийные пропозиции и фрагменты текста, а только части предложения в рамках настоящего исследования этот коннектор не исключается из класса связующих средств, а является периферийной его составляющей. Кроме того, следует отметить, что РК *в плане* служит для выражения отношений экземплификации, т. е. для пояснения и уточнения предыдущего контекста (части фразы).

РК *в плане* в начале высказывания является коннектором, предложная функция которого затемняется. Чаще единица *в плане* появляется в начале высказывания как повторение и продолжение фразы собеседника, что происходит в контекстах (6)-(8). Поэтому такие контексты не считаются полноценными в настоящем исследовании.

Таким образом, одной из главных функций РК *в плане* является функция предлога. Однако коннектор может выполнять и несколько других функций, что зависит от контекста.

2.3. Речевой коннектор В ПЛАНЕ в функции показателя метаязыковых отношений

Иногда РК *в плане* приближается к вводным словам, так как в его употреблениях появляется семантика уточнения (можно заменить, вводным словом *например*) и нет связи с другими членами «предложения». Таких контекстов в пользовательском подкорпусе относительного немного (всего

8 % от общего числа вхождений). Однако именно здесь отмечаются «пунктирные» линии развития этой единицы, ср.:

- (9) *Ну то есть он/ мне кажется/ заранее чувствует/ куда подует ветер/ **в плане**/ как прикажет власть (УП);*
- (10) *Самый смешной / **в плане** если бы мы эти шутки попытались пересказать (из интервью);*
- (11) *В НГУ сложно учиться / **в плане** требуют много (из разговора);*
- (12) *Я переживал / **в плане** как я спать буду на расстоянии (из видеоблога)²⁸.*

Семантика и синтаксическая функция коннектора *в плане* в данных контекстах хоть и приближена к вводным словам, все же этим не исчерпывается. РК в контекстах (9)-(12) также занимает позицию середины «предложения», соединяя между собой не самостоятельные части речи (и не входит в падежный вопрос), что во многом отдаляет эту единицу от функции предлога. Данная единица относится к функциональному классу речевых коннекторов на основании того, что является показателем логико-семантических отношений между двумя фрагментами высказывания. На семантическом уровне данный РК является метаязыковым, так как выражаемые здесь отношения касаются, скорее, способом представления действительности, чем просто соединения двух пропозиций (как в предыдущем разделе).

В контексте (9) говорящий использует устойчивое выражение *куда подует ветер* – пропозиция $P = p^n$, – которое можно считать довольно общим, а далее с помощью РК конкретизирует свое высказывание: *как прикажет власть* – пропозиция $Q = p^1$.

В контексте (10) пропозиция $P = p^n$ – *самый смешной*, пропозиция $Q = p^1$ – *если бы эти шутки попытались пересказать*.

В контексте (11) пропозиция $P = p^n$ – *сложная учёба*, $Q = p^1$ – *много требований*.

²⁸ В контекстах (10)-(12) разметка сделана автором вручную.

В контексте (12) $P = p^n$ – переживание, $Q = p^1$ – как я буду спать. Связаны между собой эти фрагменты отношениями спецификации, а конкретнее: РК *в плане* в данном случае является показателем уточнения и экземплификации²⁹. Метаязыковым коннектором эта единица является еще и по причине того, что обеспечивает оптимальный процесс коммуникации.

Таким образом, в контекстах (9)-(12) говорящий с помощью РК *в плане* конкретизирует и уточняет первую часть своего высказывания. РК *в плане* в этой функции не похож на предлог, а потому не является результатом препозиционализации. Данная единица – средство связи, показатель логико-семантических отношений, а потому в рамках настоящего исследования был введен термин *коннекторизация*, что значит процесс образования нового средства связи. Именно результатом такого процесса и обозначен РК *в плане* (**GRAM 2**).

2.4. Речевой коннектор В ПЛАНЕ в функции маркера-ксенопоказателя

Помимо препозиционализации и коннекторизации, на этом уровне переходности осуществляется и процесс *прагматикализации*. Прагматикализация представляет собой процесс перехода отдельных лексем на коммуникативно-прагматический уровень языка, когда они «становятся сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний» (Богданова-Бегларян 2014: 10). Контекстов, в которых РК *в плане* функционирует в роли маркера-ксенопоказателя в пользовательском подкорпусе пока крайне мало (менее 1 %), однако это все же намечает тенденцию к употреблению данного коннектора еще в одной функции. По этой причине в итоговом варианте шкалы этот вектор вынесен за ее рамки (см. ниже рис. 3).

Особенностью маркеров-ксенопоказателей является их способность вводить в повествование чужую речь, в широком понимании этого термина, т. е. и свою собственную, сказанную ранее или планируемую на будущее,

²⁹ По классификации Breindl et al. 2014.

а также собственные или чужие мысли и даже «интерпретацию поведения другого человека, его реакции и т. д.» (Левонтина 2010: 284), ср.:

(13) *И небезопасно не в плане «у-у, меня, может быть, оштрафуют», а в плане... «ну, я в прошлом видео рассказывал о том, что происходит» (из подкаста);*

(14) *Ну нет-нет, я в плане... ну вот как ты сказала: «купи мне...» (из разговора).*

В контексте (13) говорящий вербализует свои мысли для усиления ироничного эффекта высказывания, а в контексте (14) приводит в пример отрывок из высказывания, произнесенного ранее. Таким образом, чужая речь в данных контекстах является пропозицией $Q = p^1$, конкретизирующей. Иными словами, в данном случае речь идет о выражении ЛСО спецификации, но не экземпляфикации, а параэкземплификации, т. е. РК «вводит фрагмент текста, описывающий частный случай и служащий для разъяснения сказанного» (Инькова, Манзотти 2019: 190).

Следующий раздел работы посвящен речевому коннектору *в этом плане* и основан на статье автора: Баженова 2022а.

2.5. Речевой коннектор В ЭТОМ ПЛАНЕ: особенности функционирования

Следующий элемент шкалы переходности – единица *в этом плане* (**GRAM 3**) (см. ниже рис. 3). Эта единица вынесена в верхнюю часть шкалы, так как и этот коннектор, и коннектор *в том плане что* осложнены местоименной частью. Многокомпонентный коннектор состоит из местоименной части *этом* и базовой формы *в плане*.

Наиболее распространенная позиция единицы *в этом плане* – в середине «предложения». Однако интерес представляет передвижение РК, так как встречаются контексты, в которых анализируемая единица находится в начале или в конце «предложения». Происходит инверсия, ввиду которой или затемняются, или расширяются некоторые функции данного коннектора. Так, в УП НКРЯ позиция начала составляет 12 % от общего числа вхождений (323), позиция середины – 70,6 %, а позиция конца – 17,4 %.

Рассмотрим контексты, в которых данный коннектор занимает позицию в начале «предложения». Этот РК функционирует исключительно на уровне текста, потому при анализе контекстов следует учитывать и пресуппозицию приведенного высказывания, ср.:

- (15) [Р. Орехов (муж, ведущий)] *Вы будете удивлены/ если/ как его/ если узнаете/ что костюм замужней женщины гораздо сложнее и гораздо ярче и сильнее. Потому что женщина носила сакральную одежду/ и по сути дела своей одеждой она защищала целый род. Она продвигала развитие целого рода. **В этом плане/ конечно/ женщина является объектом/ по сути дела/ так сказать/ связи с мирозданием. Да. Ещё женщина является объектом связи со столом/ давайте всё-таки об этом тоже немножко поговорим. Рассказывайте вот прям с того края стола до этого края стола/ кто/ во-первых/ готовил** (УП);*
- (16) [Ю. Прохоров, муж, 62, 1948, ученый] *Особенно это важно для публично выступающих/ для средств массовой информации. Определённое внимание к тому/ как ты это произносишь/ как ты говоришь/ как ты строишь своё общение/ должно быть. И это может решаться не просто там каким-то конкретным институтом или группой специалистов. **В этом плане/ мне кажется/ очень вот полезным и важным... такой девиз/ который был на конкурсе/ который уже много лет проводится/ "Лучший русский язык в СМИ". Поскольку СМИ очень долго ругали/ а там есть прекрасный русский язык в целом ряде передач/ мы всё это смотрели. Девиз одного из конкурсов был "говорить правильно по-русски – это престижно"** (УП).*

Речевой коннектор в этом плане в позиции начала «предложения» можно квалифицировать как «мягкий», так как данная единица связывает между собой не исключительно два «предложения», а группы «предложений». Остальные РК являются «жесткими», и, по классификации Е.В. Урысон, не входят в состав функционального класса коннекторов, однако в рамках настоящего исследования все единицы включены в класс коннекторов. Справедливость такого подхода доказывается на примерах анализа функционирования единиц в контекстах реальной речи.

В контексте (15) высказывание говорящего, состоящее из семи «предложений», условно можно поделить на две части. Первые три «предложения» составляют пресуппозицию высказывания – *сакральный смысл одежды женщины* – отнесем эту часть к пропозиции $P = p^n$. РК в этом

плане присоединяет оставшуюся часть высказывания – *связь одежды с мирозданием* – пропозиция $Q = p^1$. С точки зрения синтаксической конструкции «предложения», РК маркирует рему высказывания, с прагматической точки зрения, он является конкретизирующим элементом: говорящий сужает тему своего высказывания.

В контексте (16) структуру высказывания таким же образом можно поделить на две части. Пропозиция $P = p^n$ – *публичные выступления* – с помощью коннектора *в этом плане* конкретизируется и уточняется до пропозиции $Q = p^1$ – *девиз*.

Позиция в середине высказывания оказалась наиболее распространенным типом для анализируемого РК, ср.:

- (17) [Михаил Фёдорович, муж, главный редактор газеты] *Представители различных классов/ наций/ они будут оценивать что/ с разных событий/ рабы будут оценивать так-то/ эти будут оценивать так-то. И большую роль играет/ конечно/ та идеологическая обработка/ которая идёт с помощью западных фильмов/ всё прочее. Про эти СМИ там скоко уже всего говорят. Вот газеты как раз в этом плане и отличаются у нас тем/ что мы даём различные точки зрения. Но мы даём их не просто так/ что-либо там в голову взбрeдёт. Ведь многие наши/ допустим/ вот оце... оцениваются те или иные события. Оцениваются как? (УП);*
- (18) [О.Б. Сиротина, жен, 85, 1923, филолог] *И вот поскольку я очень много читала и память у меня была хорошая/ я помню то что я читаю/ литература стала меня учить жизни/ не только мама/ не только окружающие/ но и литература/ и я поняла что так себя вести как я себя веду/ это очень опасно [О.В. Мякшева, жен, филолог] Во сколько лет это было? [О.Б. Сиротина, жен, 85, 1923, филолог] Сколько мне было лет/ я не могу сказать но уже не дошкольный возраст/ где-то вот в отрочестве// На меня произвели впечатление в этом плане самое большое/ две книги// Одна Стефан Цвейг/ которого я очень любила/ много читала он у нас тоже был в неполном конечно издании/ теперь еще есть более полное да он ведь продолжал писать тогда (УП).*

Несмотря на позицию середины, РК в этих фрагментах соединяет между собой самостоятельные «предложения», а не части простого или сложного «предложения». Дислокация коннектора, однако, не затемняет его функцию связи нескольких высказываний.

В контексте (17) говорящий подчеркивает отличие газет в области идеологии. Так, высказывание, состоящее из трех «предложений», можно трансформировать в одно – **Газеты в плане идеологической обработки отличаются у нас тем, что мы даём различные точки зрения.* То же можно выполнить и с контекстом (18): **В плане жизненных уроков на меня произвели впечатление две книги.* Здесь РК, как и в предыдущих контекстах, соединяет две пропозиции, где первый актант $P = p^n$ – это широкий спектр обсуждаемой проблемы (в контексте (17) – *идеологическая обработка в СМИ*, в контексте (18) – *жизненные уроки в книгах*), а актант $Q = p^1$ – это конкретная ситуация, которая включена в обсуждаемую проблему (в контексте (17) – *идеология в газетах*, в контексте (18) – *книги Стефана Цвейга*). Таким образом, РК в этом плане маркирует связь с предыдущим «предложением».

РК в этом плане является результатом коннекторизации, так как не является аналогом ни союза, ни предлога, и назвать эту единицу результатом конъюнкционализации или препозиционализации было бы ошибочно, так как коннектор в этом плане является функциональным и выполняет функцию связи между фрагментами текста. Так, ЛСО, которые устанавливает данный РК, реализуются на уровне высказывания, так как здесь следует учитывать некоторые коммуникативные характеристики высказывания (к которым относится намерение говорящего). Конкретнее, это отношения комментирующего характера, т. е. «первый фрагмент текста является коммуникативно самостоятельным высказыванием» (Инькова, Манзотти 2019: 65). Далее идет комментирующая часть, «второй фрагмент текста сообщает о том, что сказано в первом фрагменте, дополнительную информацию» (*там же*). Чаще всего такая структура высказывания встречается, если высказывание является частью рассуждения и имеет характер аргумента, как и в приведенных контекстах. Далее контекст продолжает цепочку аргументов.

Наименее типичное расположение рассматриваемого коннектора как аналога союза – это его позиция в конце «предложения», ср.:

- (19) [А. Беляев, муж, художник] *Я сам себе автор/ я вот как сделал/ так и сделал. Вот и... скажу/ что я так видел. Вот в храме так не получается/ так нельзя. В храме все работают/ все работают на одну цель/ чтобы роспись была молитвенной/ **в этом плане*** (УП);
- (20) [Э. Григорьев, муж, лесник] *На дерево залезать/ тем более на сосну/ восемнадцать метров/ это очень/ да. Залезешь и посмотришь кладку. Это окупает. Я/ может/ ненормальный человек **в этом плане**. Вот как бывает/ дети что-нибудь/ ребёнку дай какую-нить игрушку/ вот он ходит/ даже трясешься от этого. То же самое вот и я. Вот даже будучи даже опри... обычный/ до того/ что даже дрозда я нахожу и как будто бы в первый раз/ хотя это самое элементарное* (УП).

Такая дислокация РК во многом затемняет связующие функции единицы. В рамках настоящего исследования единица *в этом плане*, занимающая позицию конца «предложения», не относится к функциональному классу коннекторов, так как не соединяет предыдущий контекст с последующим, а является либо ритмообразующим элементом в интонационной структуре предложения (как в контексте (19), на что указывает пауза перед *в этом плане*), либо финальным элементом «предложения», не устанавливающим ЛСО между пропозициями (так, в контексте (20) нельзя назвать пресуппозицию высказывания актантом Р, так как дальнейшие высказывания не относятся к комментарию или продолжению аргументов, не являются актантом-конкретизатором Q).

Речевой коннектор *в этом плане* обладает рядом синтаксических особенностей. Во-первых, важна его позиция в высказывании. По данным УП НКРЯ, в устной речи этот коннектор используется чаще всего в середине «предложения» (70,6%). Позиция в конце «предложения» является нетипичной для реализации связующей функции коннектора. Во-вторых, коннектор *в этом плане* относится к «мягким», так как связывает между собой несколько высказываний или «предложений». Исходя из этого, структуру высказывания с изучаемой единицей можно представить следующим образом: <P => РК + Q>.

2.6. Речевой коннектор В ТОМ ПЛАНЕ ЧТО в функции союза

По данным РГ-80, единица *в том плане что* является составным союзом, в образовании которого участвует первообразный предлог *в*, местоименное слово *том*, являющееся согласуемой словоформой, и союзный элемент *что*. Таким образом, составной союз построен по схеме: «предлог – местоименное слово – союзный элемент» (*Русская грамматика* 1980: 716). Однако РГ-80 не дает характеристики отыменному элементу *плане* в составе этой единицы.

РК *в том плане что* (**GRAM 4**) – последний элемент шкалы (см. ниже рис. 3), расположенный на вершине и являющийся результатом конъюнкционализации. Эта единица является многоэлементной и включает в себя, помимо базовой формы *в плане*, местоименную часть *том* и союзную – *что*. Этот элемент цепочки сложнее не только структурно, но и семантически. Так, данный РК является полифункциональным. Он может функционировать как коннектор и связывать некоторые единства или части дискурса, как в следующем контексте, ср.:

- (21) [В. Иноземцев, муж, 35, 1968, экономист] *Это очень интересный вопрос/ наверное/ самый интересный из тех/ которые сегодня звучали. Как ни странно/ в всех отрицательных моментах/ которые связаны с этим нарастающим неравенством/ возможно/ есть и позитив. В том плане/ что в течение очень долгого времени, казалось, и считалось/ что равенство и справедливость – это фактически одинаковые понятия* (УП).

Кроме того, данный РК может связывать части сложного «предложения», но не в функции союза, а в функции метаязыкового коннектора, являющегося показателем уточнения близкого к предикативной структуре *имею в виду, что*, ср.:

- (22) *Нет/ это не упрёк/ это в том плане/ что/ например/ то/ о чём мы с тобой поговорили сегодня...* (УП);
- (23) *правильно / угу // *П угу угу // # ну в том плане что я достаточно ограничен по времени / но я всем ещё раз говорю я всегда иду навстречу* (ОРД);

(24) *не ну не в том смысле чтоб прям надо / знаешь / на Марина% возьми / нет / ну / *П в том плане что она говорит что типа за оставшееся короткое время / ну ты можешь никого не найти просто (ОРД).*

Однако РК в том плане что может быть и союзом, синонимичным как подчинительному союзу *потому что*, со значением причины, так и сочинительному союзу *то есть*, со значением пояснения, ср.:

(25) *Интересно в том плане/ что/ во-первых/ это единственный античный театр который сохранился на территории СНГ (УП);*

(26) *Во-первых/ я согласен с Владимиром Войновичем в том плане/ что сейчас совершенно не время вообще заниматься этим вопросом (УП);*

(27) *Как любые искусственные языки/ хотя эсперанто от них отличается в несколько выгодную сторону в том плане/ что лексика эсперанто/ да и грамматика основана на реальных фактах естественных языков (УП).*

Контексты (25)-(27) были предложены участникам эксперимента, который был проведен в рамках настоящего исследования. В нем приняли участие 46 человек в возрасте от 20 до 70 лет, все с филологическим образованием. Респондентам было предложено подобрать коннектору *в том плане что* синонимичный по семантике и функции союз. На основе полученных ответов удалось сделать вывод о синкретизме данного коннектора на уровне союзов. Участники опроса почти в равном количестве отметили, что коннектор *в том плане что* можно заменить как подчинительным союзом *потому что*, со значением причины (30 % опрошенных), так и сочинительным союзом *то есть*, со значением пояснения (27 %). Кроме того, были зафиксированы и некоторые другие варианты ответов, например, респонденты заменили изучаемый коннектор на синонимичный ему *в том смысле что* (10 %) или на разговорный союз *ведь* (3 %). Результаты проведенного опроса были проанализированы и сведены в единую диаграмму (см. рис. 1).

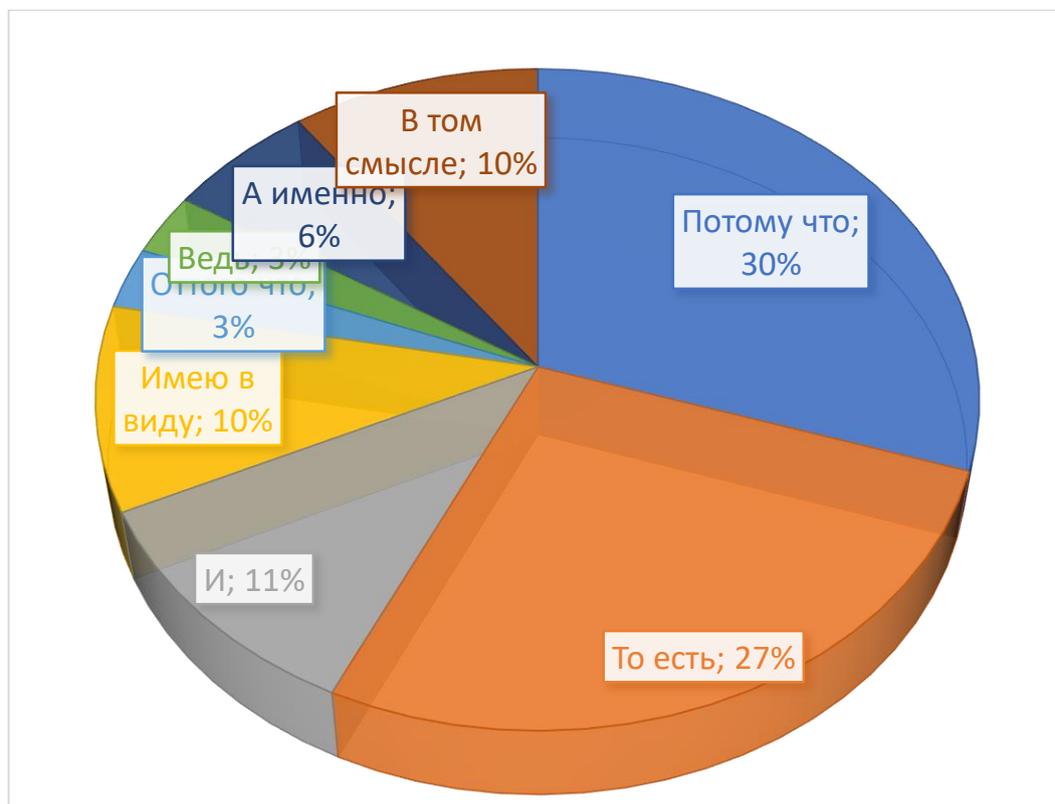

Рис. 1. Варианты замены коннектора *В ТОМ ПЛАНЕ ЧТО* на синонимичные единицы (результаты опроса, проведенного среди филологов)

Таким образом, РК *в том плане что* – это сложная единица, которая функционирует как на уровне высказывания (соединяет его части), так и на уровне дискурса (соединяет фрагменты).

В основу следующего раздела работы легла коллективная статья: *Баженова, Богданова-Бегларян 2022*.

2.7. Вариативность речевых коннекторов: некоторые модели функционирования

Несмотря на зафиксированную многоэлементную структуру коннекторов и преобладание именно таких форм в устном дискурсе, существует и вариативность, которая хоть и уступает базовым формам в количественном отношении, но имеет потенциал на развитие. Так, в настоящем исследовании были выделены и проанализированы модели двухкомпонентных (двухместных) коннекторов. Рассмотрим далее некоторые модели функционирования РК *в плане* и *в том плане что* – их последовательность определяется усложнением структуры.

2.7.1. Модель 1 <не РК>

- (28) [№ 4, муж, 36, рабочий] *Задорнов вчера сказал/ что экономика Америки держится на потребителях. Если люди перестанут потреблять/ а это зависит от эмоций/ то экономика у них рухнет.* [№ 3, муж, 59, научный сотрудник] *Влияние всё это окажет/ но **не в том плане/ что** изменится курс или будут какие-то экономические потрясения»* (УП);
- (29) *Ну, Настя, конечно, **не в плане** учебы, а там, работы* (из телефонного разговора).

В контексте (28) с прагматической точки зрения коннектор выполняет функцию *самокоррекции*: в первой части высказывания говорящий соглашается с предположением собеседника, а затем с помощью *модели 1* поправляет себя, конкретизирует собственную точку зрения (*влияние будет, но не в тех аспектах, о которых говорил собеседник*).

В контексте (29) наблюдается семантика противопоставления, и если располагать компоненты *учебы* и *работы* на *аргументативной шкале* (Инькова, Попкова 2016) (хотя в данном случае точнее говорить о *шкале важности* для говорящего обозначаемых явлений), то шкала эта будет восходящая, где РК маркирует менее значимый элемент высказывания. Любопытно, что в этом контексте вторая часть коннектора вербально не выражена, но подразумевается (*не в плане учебы, а в плане работы*), т. е. может быть отнесена и к модели 2.

2.7.2. Модель 2 <не РК (...), а РК>

- (30) *И небезопасно **не в плане** «у-у, меня, может быть, оштрафуют», а в плане... ну, я в прошлом видео рассказывал о том, что происходит* (из подкаста Д. Поперечного);
- (31) *Эта история вообще Кадзу-центричная, я бы сказала, **не в том плане что** она о нем, а в том плане что, он по сюжету, как-то, ну, больше экранного времени имеет* (из разговора);
- (32) [Дмитриева, жен, депутат] *Бюджетная заначка **не в том плане/ что** где-то зафиксировано и прописано в бюджете "заначка"/ а в том плане/ что* занижаются доходы/ тут разные варианты (УП).

Методика *шкалирования* компонентов высказывания от более значимого к менее значимому, или наоборот, которую предлагают

О.Ю. Инькова и Н.А. Попкова, позволяет выделить разные семантические точки этой шкалы.

Так, в контексте (30), который уже появлялся в разделе 2.3, говорящий определяет два события, располагая их на *шкале безопасности*, где пропозиция, выраженная прямой речью, отрицается, и, с точки зрения прагматики высказывания, воспринимается говорящим с меньшей категоричностью. Соответственно, РК маркирует часть высказывания, которая является ниже по значимости упоминаемых событий, чем то, что находится во второй части (в данном контексте говорящий отсылает слушателей к предыдущему видеоролику).

В контексте (31) применить методику шкалирования затруднительно, так как говорящий предполагает реакцию слушателя и отрицает его версию (это история не про него, у него просто больше экранного времени). Однако семантика *аргументированности* здесь все же присутствует, так как говорящий произносит некое утверждение и аргументирует его с двух противоположных (на его взгляд) позиций.

В контексте (32) уместно расположить описываемые события на *шкале правдоподобности*, которую условно можно обозначить следующим образом: *зафиксировано и прописано в бюджете "зачатка" – занижаются доходы*, где правая часть высказывания находится выше по шкале (т. е. ближе к действительности).

Таким образом, компонент РК с отрицанием чаще маркирует ту часть высказывания, которая находится на шкале (выделяемой на основании коммуникативной цели) ниже, что способствует усилению части высказывания, в которой утверждается позиция или точка зрения на рассматриваемую ситуацию.

Основой следующего раздела работы стала статья автора: *Баженова 2022б*.

2.7.3. Модель 3 <не РК² (...), а + РК>

Модель 3 встретилась в материале исследования ровно один раз, и в ней исследуемому коннектору РК предшествует РК² *в том смысле что*, также образуя двухместный союз, ср.:

(33) [№ 6, муж, 29, научный работник] *Не в том смысле/ что они просто несамостоятельные/ как личности/ а в том плане/ что их действия/ они продиктованы кем-то/ кто находится при них (УП).*

Такое совмещение разных коннекторов может сигнализировать об их семантическом «родстве» (синонимичности), а потому описание интегральных и дифференциальных особенностей этих коннекторов вынесено в перспективы настоящего исследования.

2.8. Речевой коннектор как результат гиперкоррекции и речевого сбоя

Особенности выбора конкретных языковых средств в повседневной речи не случайны. О.Б. Сиротина и М.А. Кормилицина отмечают, что в речи политиков, государственных деятелей, а также в газетных материалах часто используются громоздкие синтаксические конструкции, с целью имитации «хорошей», «грамотной» речи (Кормилицына, Сиротина 2007). В.Г. Костомаров считает использование книжных формул в разговорной речи неестественным и называет такое явление «вокнижением» разговорности (Костомаров 2015). Однако разные гиперкорректные образования, которые встречаются в речи, могут быть диагностирующим признаком в отношении характеристики либо говорящего, либо коммуникативной ситуации (Богданова-Бегларян 2021). Так, использование нетипичных союзных форм зависит от стремления говорящего сделать свою речь грамотнее и красивее, а разные новые модели функционирования могут быть как результатом речевого сбоя, так и возникшей заминки, маркированной паузой хезитации.

В реальной, неподготовленной, разговорной речи отсутствует фактор диктофона, поэтому возникновение коннектора абсолютно естественно и вполне может быть результатом речевого сбоя, ср.:

(34) *Мне трудно представить это ээ/ потому что/ ну в плане того/ что вот/ как бы/ нет такой причины/ нет оправдания (из разговора).*

РК *в том плане что* присоединяется к другим прагматическим элементам *ну и вот*, но и теряет элемент *том*. Такую модификацию РК можно объяснить еще и желанием говорящего продлить паузу хезитации, чтобы подобрать нужные слова для выражения мысли. Как в следующих контекстах:

- (35) *при чем раньше / раньше / он сейчас наверное есть уже в таблетках / а раньше он выпускался / в таком сиропчике // *П вот / для того чтобы как можно быстрее он подействовал // *П (э-э-э) в плане снятия / *П (э-э) острого расширения сосудов (ОРД);*
- (36) *Мы сильно критиков включаем, ну в плане того что ээ о чем он хотел сказать, может быть, это его статус повлиял, что «Нос» считают крутым произведением (из видеоблога).*

В отношении контекстов (35) и (36) справедливо говорить о функции хезитативного маркера, который указывает на колебания в речи говорящего, и, кроме того, РК служит для связи компонентов, фрагментов высказывания, так как поиск необходимых по смыслу слов в данном речевом фрагменте оказался успешным.

Следует обратить внимание и на появление новых форм исследуемых коннекторов, которые встречаются в контекстах (34) и (36). Это речевая реализация *в плане того что*, которая встречается в материале работы реже, чем базовые формы. Исследование этой единицы вынесено в перспективы работы, так как особенности ее функционирования, возможно, несколько отличаются от стройного ряда грамматикализованных элементов итоговой веерной шкалы. Появление новых форм может быть и результатом речевого сбоя, так как их форма нестандартна и является «склейкой» двух разных единиц, ср.:

- (37) [Михаил Фёдорович, муж, главный редактор газеты] *Вы сами понимаете / они бывшие военные / и / конечно / им в этом плане / что / очень и очень трудно (УП);*
- (38) [№ 4, муж, 41, 1962, менеджер] *Как-то взаимопонимание / наверное / какое-то побольше стало все-таки в этом плане / что терроризм (УП);*

(39) [№ 7, жен, 25, 1978, домохозяйка] *Ну не знаю/ как-то он к народу ближе/ вот в этом плане/ что прям даже не знаю/ как это выразить* (УП);

(40) *Вам очень повезло конечно в этом плане, что разные преподаватели действительно читают этот предмет* (из речи преподавателя).

В контекстах (37)-(40) базовой формой является РК *в этом плане*, к которому присоединяется союзный элемент *что*, и структурно такой коннектор напоминает единицу *в том плане что*. Возможно, в таких случаях появление компонента *что* является сигналом как гиперкоррекции, так и речевого сбоя. Говорящий делает свое высказывание длиннее за счет громоздких конструкций, тем самым имитируя «профессиональную» речь.

В газетном подкорпусе НКРЯ (ГП), наиболее приближенном к разговорному языку³⁰, встретилось 254 вхождения коннектора *в том плане что* – намного больше, чем в других типах речи (ср.: МП (мультимедийный подкорпус) – 9 вхождений; УП – 63 вхождения). В разделе показано, что использование коннекторов в той или иной коммуникативной ситуации может быть обусловлено рядом параметров, к которым относятся прежде всего фактор диктофона и спонтанность или подготовленность речи.

2.9. Речевые коннекторы на шкале грамматикализации

По Дж. Байби, *грамматикализация* представляет собой длинную цепочку изменений в результате долгого диахронического процесса (Bybee et al. 1994). Такое сравнение грамматикализации с цепочкой не случайно, поскольку анализ грамматикализованных единиц напрямую связан с анализом причин их переходности и, как отмечает Н.Д. Арутюнова, такое явление должно описываться по месту, занимаемому им на шкале постепенных переходов (Арутюнова 1965). По этой причине в настоящей работе все проанализированные единицы были размещены на шкале грамматикализации (см. рис. 2).

³⁰ Динамизм, изменчивость, во многом связанные с демократизацией современного общества, и как результат дробная, фрагментарная, мозаичная картина мира, творимая журналистами, – главные свойства современной публицистики (Солганик 2005: 21), которые проявляются в языковой раскованности: наряду с нейтральной лексикой, характерной для советской публицистики, активно используются разговорные, просторечные, грубо-просторечные, а нередко непристойные языковые единицы (Чернышова 2003: 15).

Рис. 2. Шкала грамматикализации существительного ПЛАН

Однако если располагать единицы в такой последовательности, то создается ложное предположение о последовательности происходящих процессов, что не является таковым. Здесь возникает закономерный вопрос: «что появилось раньше?» С целью исключить такое ошибочное представление грамматикализации, была создана верная шкала, на которой каждая единица – результат параллельно протекающих процессов (см. рис. 3).

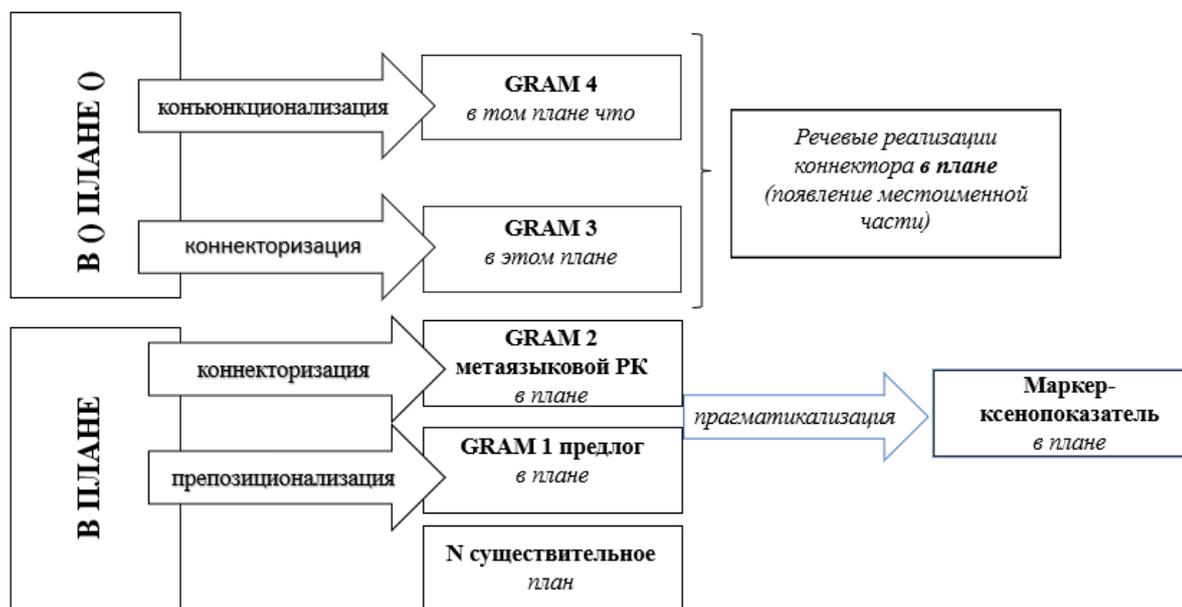

Рис. 3. Верная шкала грамматикализации слова ПЛАН

2.10. Выводы по главе

Речевые коннекторы – необычные единицы. Их главная функция – выражение логико-семантических отношений между двумя и более

фрагментами дискурса. Так, РК *в плане / в этом плане / в том плане что* являются результатом различных процессов, активно действующих в устном дискурсе. При этом данные процессы не сепарированы друг от друга, и даже не последовательны, они связаны один с другим и действуют параллельно.

Кроме того, следует отметить, что РК, рассматриваемые в данной работе, не статичны, они усложняются структурно и семантически. Это может зависеть не только от грамматикализации и ее разновидностей соответственно, такие модификации могут быть связаны с типом речи (публичная, непубличная), с коммуникативной ситуацией, с коммуникативным намерением говорящего в частности, с его желанием говорить красиво и грамотно, используя новые, нестандартные, формулы, делая свое высказывание за счет служебных составных конструкций длиннее, но не наполняя его при этом никакой новой семантикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описание функционирования минимальных единиц устного дискурса является одной из центральных исследовательских проблем в современной науке. Происходит это по причине того, что в результате активно действующих в устной речи процессов переходности возникает множество новых, «живых», форм, которые еще не успели получить конкретного грамматического описания и которые еще не зафиксированы в современных грамматиках и толковых словарях. Такой интерес к устному дискурсу не случаен, «в настоящее время в лингвистической науке акцент все больше смещается в сторону изучения живой разговорной речи. Трудно не согласиться с русским лингвистом и психологом Н.И. Жинкиным, который отмечал: “Как это ни парадоксально, я думаю, что лингвисты долгое время изучали человека молчащего”» (Бускунбаева 2021: 174) (Жинкин 1958) (цит. по: Земская и др. 1981: 5).

К таким минимальным единицам устного дискурса относятся отсубстантивные речевые коннекторы *в плане / в этом плане / в том плане что*. Грамматическая характеристика РК осложняется и продолжающимся усовершенствованием понятия коннектор в лингвистических работах. Однако существующие исследования, посвященные описанию РК, близки к идеальному аннотированию этого функционального класса (Инькова 2018, 2019, 2020; Урысон 2013; и др.). Целью настоящей работы было внесение некоторых уточнений в существующие концепции с учетом особенностей функционирования этих единиц в повседневном устном дискурсе, так как именно контексты реальной живой речи вносят дополнения, а иногда и корректировку, в закрепившиеся теории. Тезисы, сформулированные в результате анализа материала, источниками которого послужили новейшие речевые корпуса (УП НКРЯ, ОРД), основанные на экспериментальном изучении речи, могут быть экстраполированы и на синонимичные речевые единицы.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

Речевой коннектор *в плане* – полифункциональная единица, что является результатом двувекторного процесса переходности (как препозиционализации, так и прагматикализации). Данный РК выполняет функцию предлога, если реализует логико-семантические отношения между знаменательными частями речи. Метаязыковым коннектором (показателем уточнения или экземплификации) РК *в плане* становится в контекстах, где он остается вне синтаксической структуры (подобно вводным словам). Кроме этих двух функций, РК *в плане* может быть маркером-ксенопоказателем, вводящим в повествование чужую речь.

Грамматический статус речевого коннектора *в этом плане* во многом зависит от позиции в высказывании. Так, он тоже может быть метаязыковым. Структуру высказывания с РК можно представить следующим образом: $\langle P \Rightarrow RK + Q \rangle$. Где P – это широкий контекст, а Q – это конкретная ситуация.

Речевой коннектор *в том плане что* не так однозначен, так как в одних контекстах он функционирует в качестве метаязыкового коннектора, а в других – в роли союза, причем на уровне союза отмечается синкретизм, что подтверждают результаты проведенного среди филологов эксперимента.

Кроме многоэлементных коннекторов, следует отметить и существование двухкомпонентных коннекторов, которые являются пропозициональными, так как реализуют отношения коррекции, что подтверждается с помощью составления прагматических шкал, где точки пропозиции расставлены в зависимости от коммуникативной цели говорящего. Чаще всего в высказываниях реализуется модель $\langle \text{не РК} (\dots), \text{а РК} \rangle$, где не РК маркирует менее значимый компонент высказывания.

Таким образом, в настоящей работе описаны ключевые точки грамматической характеристики речевых коннекторов *в плане* / *в этом плане* / *в том плане что*, которые могут быть использованы в практике

преподавания РКИ, так как многим иностранным студентам знакомо только значение существительного *план*, а более тонкие моменты упущены из-за недостаточности грамматического описания в существующих учебниках. Сформулированные данные помогут и в практике перевода, так как англоязычное *plan* не отражает функциональных особенностей этих речевых коннекторов.

Можно наметить и некоторые перспективы исследования:

1) анализ употреблений РК в авторских имитациях разговорной речи, зафиксированной в художественных произведениях (сценарии кинофильмов, романы и др.);

2) анализ употреблений РК на материале газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка; на материале звукового корпуса монологических текстов САТ;

3) анализ дифференциальных и интегральных характеристик РК с подобными единицами: *в смысле / в том смысле что*;

4) установление причин и специфики появления нестандартных форм единиц типа *в плане того что / в смысле того что*;

5) доказательство слитности формы *в том плане что*; исследование паузы перед *что* и подтверждение ошибочности фиксации этой паузы в письменной речи в виде запятой (на материале газетного подкорпуса).

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В РАБОТЕ СОКРАЩЕНИЙ

- ГП – газетный подкорпус Национального корпуса русского языка
- ЛППС – лексикализованная предложно-падежная словоформа
- ЛСО – логико-семантические отношения
- МП – мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка
- ОРД – корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»
- РГ-80 – Русская грамматика 1980 года
- РК – речевой коннектор
- РР – разговорная речь
- САТ – корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека»
- СР – спонтанная речь
- УП – устный подкорпус Национального корпуса русского языка
- УР – устная речь

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова О.А.* Речекоммуникативный статус паузы колебания. Дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 208 с. (машинопись).
- Александрова О.А., Иваницкий В.В.* Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2003, № 25. – С. 95-101.
- Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря Прагматика и проблемы интенциональности. Ин-т языкознания АН СССР. Проблемная группа «Логический анализ языка». – М.: Наука, 1988. – С. 7-44.
- Апресян Ю.Д.* Лингвистическая терминология Нового объяснительного словаря синонимов русского языка // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2004. – С. XXII-LII.
- Арутюнова Н.Д.* О критерии выделения аналитических форм Аналитические конструкции в языках различных типов *В.М. Жирмунский, О.П. Суник* (ред.). – М., Л.: Наука, 1965. – С. 89-93.
- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С 136-137.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
- Абайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж: Центр.-чернозем. книж. изд-во, 1967. – 391 с.
- Абайцева В.В.* Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка // Русский язык в школе. – 1971, № 3. – С. 81-84.
- Абайцева В.В.* Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. – 1983, № 5. – С. 35-42.
- Абайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
- Аженова А.Г.* Речевой коннектор в этом плане: корпусное исследование II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Новейшая филология: Динамика речевых и текстовых форм», посвященная памяти Б.И. Осипова и М.П. Одинцовой: конференции. – Омск: ОмГУ, 2022а. – С. 54-60.
- Аженова А.Г.* Коннектор в (том) плане (что) в разных типах русской повседневной речи // Молодые исследователи – регионам: материалы

Международной научной конференции (Вологда, 19 апреля 2022 г.): в 3 т. Т. 3 / Гл. ред. *М.М. Караганова*. – Вологда: ВоГУ, 2022б. – С. 135-136.

аженова А.Г., Богданова-Бегларян Н.В. Когнитивный подход к описанию грамматических особенностей двухместных коннекторов Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (50). Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 15-16 сентября 2022 года / Отв. ред. вып. *Е.В. Федяева*. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – С. 130-133.

азаржапова А.Д. Лексико-грамматический потенциал слова *история* в современном повседневном дискурсе. Дипл. соч. – СПб., 2023. – с. (машинопись).

алли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3 фран. изд. *Е.В. и Т.В. Венцель* / Ред., вступ. статья и прим. *Р.А. Будагова*. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1955. – 416 с.

аранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993 – 207 с.

асалаева Е.Г., Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Стилистическая квалификация разговорной лексики в Базе данных прагматически маркированной лексики русского языка // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции. – М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2020. – С. 9-10.

елицкая А.А. О роли хезитационных пауз в спонтанной речи ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> (дата обращения:

огданова Л.И. Когнитивная информация для толковых словарей Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012, № 2. – С. 65-70.

огданова Л.И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сб. научных материалов / *И.Л. Копылов* (гл. ред.). – четверти. 2017. – С. 7-12.

огданова Н.В. О единице описания синтаксической структуры устного спонтанного монолога: проблемы, методики, гипотезы // ...СЛОВО ОТЗОВЁТСЯ. Памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. – Пермь: Перм. ГУ, 2006. – С. 288-293.

огданова Н.В., Бродт И.С., Куканова В.В., Павлова О.В., Сапунова Е.М., Филиппова Н.С. О «корпусе» текстов живой речи: принципы формирования и возможности описания // Компьютерная лингвистика и

интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2008) / Гл. ред. *А.Е. Кибрик*. – М.: РГГУ, 2008. – С. 57-61.

огданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского ун-та. бежная филология. – Вып. 3 (27), 2014. – С. 7-20.

огданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи. Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. *Д.А. Кочаров*, – СПб.: Политехника-принт, 2017. – С. 14-20.

огданова-Бегларян Н.В. Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова. – № 2, 2020. – С. 23-31.

огданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия *Н.В. Богданова-Бегларян*. – СПб.: Нестор-История, 2021а. – С. 5-51.

28. *Богданова-Бегларян Н.В.* Конъюнкционализация как активный процесс русской устной речи // *Linguistica Philologica. Lingua – Usus – Variatio. Vol. 1* / Ed. *G. Haßler, V. Warditz*. – Berlin: Peter Lang GmbH, 2021б. – S. 23-36.

огданова-Бегларян Н.В. Методика шкалирования как инструмент описания грамматики современной русской речи // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сборник научных статей / Отв. ред.: *Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, А.А. Анисова*. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного фед. ун-та, 2022. – С. 179-187.

огданова-Бегларян Н.В., Прокопенко А.А. Всегда ли кстати действительно кстати? (наблюдения над функционированием слова в русской повседневной речи) // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 15-23 марта 2022 года. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2022. – С. 435-436.

огданова-Бегларян Н.В., Цуй Лиш. Грамматическая специфика повседневной русской речи: на стыке конструкции и коллокации // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования / Под ред. *О.И. Глазуновой и К.А. Роговой*. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – С. 466-475.

одеэн де Куртенэ И.А. Языкознание // *И.А. Бодуэн де Куртенэ.* Избранные труды по общему языкознанию, т. II. – М.: АН СССР, – С. 96-117.

онфанте Дж. Позиция неолингвистики // *В.А. Звегинцев* (ред.). История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М.: Учпедгиз, 1960. – С. 298-319.

ускунбаева Л.А. Функционирование вербального хезитатива ни / ней ‘это самое’ в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // *Oriental Studies.* – 2021. 1. – С. 172-185.

епрева И., Шалина И., Матвеева Т. Русская разговорная речь: аспекты изучения и актуальная проблематика // *Quaestio Rossica.* – 2019. Т. 7, № 3. – С. 919-936.

икторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса: монография. – Саратов: ИЦ «Наука», 2015. – 404 с.

иноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // *В.В. Виноградов.* Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53-87.

оейкова М.Д. Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов) // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 353-373.

аспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика коммуникации и семиотика устной речи. – Тарту: Тартуский ГУ, 1978. – С. 63-112.

евкин В.Д. Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и синтаксис). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1974. – 61 с.

евкин В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской: учебное пособие (для ин-тов и ф-тов иностранных языков). – М.: Высшая школа, 1981. – 160 с.

инкин Н.И. Механизмы речи. – М.: АПН РСФСР, 1958. – 370 с.

авьялов В.Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры союзов: монография. – Хабаровск: ДВГГУ, 2008. – 242 с.

айдес К.Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: формальные типы и их реализации // *Русская речь.* – № 2, 2020. – С. 44-62.

ахаров В.П. Корпусная лингвистика: Учебно-методическое пособие. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 48 с.

вуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред.

Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб., Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532с.

вуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. *Н.В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. – 396 с.

вуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. *Н.В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. – 364 с

емская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1979. – 239 с.

емская Е.А. Разговорная речь // Русский язык. Энциклопедия // Гл. ред. *Ф.П. Филин.* – М.: Советская энциклопедия, 1998. – С. 406.

емская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, – 275 с.

ванова О.О. Отсубстантивные коннекторы в русском языке // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной. – Владивосток: Изд-во Дальневост. фед.-та, 2021. – С. 51-56.

нькова О.Ю. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: *не только... но и* // Вопросы языкознания. – 2016, № 2. – С. 37-60.

нькова О.Ю. Генерализация: определение, текстовые функции, показатели (на материале русского, французского и итальянского) // Вопросы языкознания. – 2017, № 3. – С. 53-82.

нькова О.Ю. Лингвоспецифичность коннекторов: методы и параметры описания // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / Под *ьковой.* – М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. – С. 5-23.

нькова О.Ю. О некоторых синтаксических свойствах коннекторов: количественные методы анализа // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: Сб. мат. междунар. науч.-практич. конф., посвященной 120-летию Ивана Александровича Елец: Гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2019. – С. 66-74.

нькова О.Ю. Количественный метод анализа коннекторов: «портрет»

русского союза *или* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 17–20 июня 2020 г. Вып. 19 (26). – М.: РГГУ, 2020. – С. 372-386.

нькова О.Ю. О понятии «текстовая скрепа» // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной. – Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2021. – С. 13-20.

нькова О., Манзотти Э. Связность текста: мерееологические логико-семантические отношения. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2019. – 376 с.

нькова О.Ю., Попкова Н.А. Структура двухместных коннекторов русского языка в свете корпусных данных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2016». – М.: РГГУ, 2016. – С. 200-214.

асаева З.В. Об основных чертах устной спонтанной речи (общие замечания) // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – 2014 (2). – С. 60-68.

ибрик А.А., Подлесская В.И. (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.

ибрик А.Е. Полевая лингвистика [Электронный ресурс] URL: www.krugosvet.ru/articles/77/1007704/1007704a1.htm (2007) (дата обращения: 06.04.2023).

иселёва К., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство Сб. статей. – М.: Азбуковник, 2003. — 207 с.

нязев М.Ю., Рудалева Е.А. Корпусное исследование влияния регистра на выбор способа оформления сентенциального актанта в русском языке в научном освещении. – 2019, № 37 (2). – С. 150-186.

ормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Хорошая речь – М.: ЛКИ, 2007. – 317 с

осериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М.: Прогресс, 1963. – С. 143-343.

остомаров В.Г. НОРМА – создательница или порождение языка? XLIII Международная филологическая конференция 11-16 марта года. Избранные труды. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 206-214.

аптева О.А. Дискуссионные вопросы изучения устной литературной

речи в свете теории нормы // Статус стилистики в современном языкознании. Межвузовский сб. научных трудов. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1992. – С. 150-203.

евонтина И.Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 г.). Вып. 9 (16). – М.: РГГУ, 2010. – С. 284-289.

лексикографические портреты служебных слов: монография // Отв. ред. *Е.А. Стародумова, Е.С. Шереметьева, В.Н. Завьялов.* – Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2022. – 322 с.

юбимова Н.А., Бузальская Е.В. Металингвистические единицы как фрагмент терминосистемы современной лингвистики // XLIII Международная филологическая конференция 11-16 марта 2014 года Избранные труды. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 215-224.

япон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 199 с.

айсак Т.А. [Рец. на:] В. Heine, Т. Kuteva. World Lexicon of Questions. – 2003, № 4. – С. 134-139.

ельчук И.А. О супплетивизме // *Шаумян С.К.* (ред.). Проблемы структурной лингвистики 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 396-438.

сьмак Н.А. Лексические единицы повседневной разговорной речи: пути лексикографического описания их функционирования. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2014. – 24 с.

сьмак Н.А. Основные принципы речевой лексикографии // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – октября 2015 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 379-383.

иколаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). – М.: Языки славянских культур, 2008. – 689 с.

ермякова Т.Н. Лексикографическая параметризация служебных слов: традиции и новые подходы // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. материалов / *И.Л. Копылов* (гл. ред.). – Минск: четверти, 2017. – С. 53-57.

ерфильева Н.П. Лексикографическая параметризация метапоказателей // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2003. Т 2. Вып. 1: Филология. – С. 134-140.

ешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

лунган В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка?

Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 6-20.

одлеская В.И. Почему мы молчим и мычим [Электронный ресурс]. 44Tgn6DrO (дата обращения: 12.03.2023).

одлеская В.И., Кибрик А.А. Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'05» (Звенигород, 1-7 июля 2005 г.) / Под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. – М.: РГГУ, 2005 [Электронный ресурс]. <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf> (2005) (дата обращения: 30.11.2022).

опова З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предложениями в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). – Воронеж: Изд. дом ВГУ 2014. – 232 с.

рияткина А.Ф. Конструкция в ее отношении к синтаксическим единицам // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 38-41.

рияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. – 2015, № 2. – С. 134-141.

рияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы // Служебные слова в лексикографическом аспекте. – Владивосток: Дальневост. фед. ун-та, 2017. – С. 234-239.

рокопенко А.А. О семантике и особенностях употребления слова *кстати* в русской повседневной речи // Исследование и преподавание языков: анализ, опыт, технологии: сб. научных статей / Отв. ред. Л.Д. Раднаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2022. – С. 78-87.

рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. – 504 с.

русская грамматика: В 2-х т. Том I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Российская АН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005. – 784 с.

семантика коннекторов: контрастивное исследование / Под науч. ред. О.Ю. Иньковой. – М.: Торус-Пресс, 2018. – 396 с.

иротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности – М.: Просвещение. 1974. – 144 с.

иротинина О.Б. Русская разговорная речь: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 79 с.

иротинина О.Б. Речевая культура и культура речи: сходства и различия понятий // Вопросы культуры речи. Вып. 9. – М.: Наука, 2007. – С. 127-

иротинина О.Б. Речевая коммуникация: проблемы и трудности ее изучения // Предложение и Слово. – Саратов: Изд. центр «Наука», – С. 295-299.

кляревская Г.Н. Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. статей к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю.Н. Караулова / Ред. Ю.С. Степанов, Е.А. Земская, Молдован. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. – С. 63-71.

кребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.

олганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. статей Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 13-30.

оссюр Ф. Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингер / Под ред. Р.И. Шор. – М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.

тернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Изд. 2, испр. – Воронеж: Гарант, 2015. – 52 с.

унь Сяоли. Слово *самый* в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация и прагматикализация) // Русская ечь. – 2022, № 2. – С. 7-23.

рысон Е.В. Союзы, коннекторы и теория валентностей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 2 г.). Вып. 11 (18). – М.: Изд-во РГГУ, 2012. – С. 627-638.

рысон Е.В. Синтаксис союзов и коннекторов и теория валентностей Вопросы языкознания. – 2013. Вып. 3. – С. 3-24.

ой А.С. Предлог как лексическая единица русского языка и его отражение в учебном словаре // Филологические науки. – 2004, № 4. – С. 105-113.

ан Ким Бао. Текст и дискурс (через призму иньян-концепции). – М.: Изд-во «Творчество», 2000. – 180 с.

еремисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 197 с.

ернышова Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект): Учеб. пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 178 с

ахматов А.А. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1952. – с.

ереметьева Е.С. Отыменный релятив в коммуникативной структуре предложения // Мир русского слова. – 2010, № 2. – С. 56-63.

ереметьева Е.С. Проблемы лексикографического представления предложных новообразований // Гуманитарные и социальные науки. – № 4. – С. 133-141.

мелев А.Д. Языковые факты и корпусные данные // Русский язык научном освещении. – 2010, № 19 (1). – С. 236-265.

ерба Л.В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // *Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку.* – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 11-20.

ерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность.* – Л.: Наука, 1974. – С. 24-39.

115. *Biber, D., & Conrad, S.* Register, genre, and style. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – Pp. 1-28.
116. *Bogdanova-Beglarian, N.V.* In Search of Phrase Boundaries in Spontaneous Speech // SPECOM 2017: Lecture Notes in Artificial Intelligence (LNAI). – Springer, 2017. Vol. 10458. – Pp. 456-463.
117. *Breindl, E., Volodina, A., Wabner, H.U.* Handbuch der deutschen Konnektoren Semantic der deutschen Satzverknupfer. 2 Bd. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2014. – S. 1-14
118. *Bybee, J.L., Perkins, R.D., Pagliuca, W.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 420 p.
119. *Evans, V.* Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction // *Cognitive Linguistics.* – 2006, № 17 (4). – Pp. 491-534.
120. *Graf, E.* Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. – Frankfurt am Main, 2011. – 328 p.
121. *Günthner, S., Mutz, K.* Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // *W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer* (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. – Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. – Pp. 77-107.
122. *Heine, B., Kuteva, T.* World Lexicon of Grammaticalization. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. – 387 p.

123. *Heine, B., Reh, M.* Grammaticalization and Reanalysis in African Languages. – Hamburg: Buske, 1984 – 301 p.
124. *Hopper, P.J. & Traugott, E.C.* Grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 256 p.
125. *Hopper, P.J., Traugott, E.C.* Grammaticalization. 2nd edition. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. – 300 p.
126. *Leech, G.N.* Principles of Pragmatics. – London, New York: Longman, 1983. – 250 p.
127. *Linell, L.* The Written Language Bias in Linguistics // Studies in Communication 2. – Linköping: Department of Communication Studies. University of Linköping, 2005. – 195 p.
128. *Traugott, E.C.* Constructions in Grammaticalization // The Handbook of Historical Linguistics / *B. Joseph, R. Janda* (eds.). – Oxford: Blackwell, 2003. – Pp. 624-647.
129. *Sweetser, E.* From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 174 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИНЫХ РЕСУРСОВ

1. *БТС* – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. *С.А. Кузнецов*. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. *МАС* – Словарь русского языка: В 4-х т. Том II. К – О / Под ред. *А.П. Евгеньевой*. 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. – 736 с.
3. *ОРД* – Корпус русской повседневной речи «Один речевой день» [Электронный ресурс] // <https://ord.spbu.ru/>
4. *НКРЯ* – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // <https://ruscorpora.ru/>